
ПЕРВАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
КРАСНОЙ АРМИИ

9—11 МАЯ 1940 г.

9—11 мая 1940 г. происходила работа первой научной конференции Военно-юридической академии Красной Армии, организованной командованием академии и бюро военно-юридической секции Института права Академии наук СССР. Конференция обсудила актуальные военно-правовые проблемы. В ее работе приняли участие: академики А. Я. Вышинский и И. П. Трайнин, члены-корреспонденты Академии наук СССР С. А. Голунский, М. С. Строгович, М. А. Аржанов и К. В. Островитянов, доктора юридических наук Е. А. Коровин, А. Н. Трайнин, С. Б. Крылов, профессорско-преподавательский состав академии и юридических институтов, члены военно-юридической секции Института права Академии наук СССР, практические работники военной прокуратуры и военных трибуналов, слушатели академии.

Открывая научную конференцию, полковой комиссар Г. М. Шур отметил, что перед Военно-юридической академией правительством поставлена задача, помимо подготовки высококвалифицированных работников органов военной юстиции, заниматься также и научной разработкой военно-правовых вопросов.

Военно-юридическая академия, созданная по решению партии и правительства, должна стать подлинно научным учреждением. Научная конференция является первым шагом к осуществлению этой задачи.

* * *

Первый день научной конференции был посвящен докладу академика И. П. Трайнина: „Ленин и Сталин—организаторы советского государства“. В ярком, научно насыщенном докладе академик Трайнин нарисовал образ корифеев науки, гениальных мыслителей, величайших стратегов пролетарской революции, основателей и организаторов социалистического государства—Ленина и Сталина. На интересном, исторически иллюстрированном материале докладчик дал обзор роли личности в истории.

Гений, говорил докладчик, тем и велик, что он выражает мысли и чаяния, волнующие миллионные массы. Ленин и Сталин с изумительной ясностью открыли законы исторического развития, вооружили этими законами рабочий класс, возглавили движение миллионных масс.

Докладчик, цитируя ряд работ Ленина и Сталина, посвященных государству, сосредоточил свое внимание на анализе ряда проблем в области государства, освещенных в докладе товарища Сталина на XVIII съезде партии.

В прениях по докладу академика Трайнина выступили проф. Лепендин и слушатели академии гг. Гуревич и Зимнер.

Доклад С. А. Голунского „О предмете и системе военно-судебного права“

Разрешение вопроса о предмете и системе советского и буржуазного военно-судебного права зависит прежде всего от разрешения вопроса о положении самого военно-судебного права в системе права. Этот второй вопрос может быть разрешен двояко. Можно признать, что в системе права существует особая отрасль военного права, которая составляет, наряду с уголовным, судебным и другими отраслями права, самостоятельную отрасль права. В этом случае военно-судебное право будет частью, подотраслью этого военного права. Но можно признать, что военно-судебное право есть часть, подотрасль общего судебного права.

От того, как мы разрешим этот предварительный вопрос, зависит и ответ на вопрос о том, каковы должны быть предмет и система военно-судебного права.

То или иное решение этого предварительного вопроса о месте военно-судебного права в системе права зависит прежде всего от того, какое положение занимает армия в государстве.

Если армия в государстве резко отделена от народа, противопоставлена народу, если порядки, которые существуют в армии, коренным образом, существенно отличаются от порядков, которые существуют вне армии, если воинская дисциплина, на которой покоится устройство армии, по своему характеру, по методам ее осуществления, существенно отличается от той дисциплины, на которой строятся иные общественные отношения, то понятно, что и правовые нормы, регулирующие жизнь и деятельность армии, должны будут существенно отличаться от правовых норм, регулирующих другие общественные отношения, а иногда и прямо противопоставляться им. Так в большей или меньшей степени и обстоит дело в буржуазных странах.

В самом деле, что представляет собой армия в буржуазных странах, и, в частности, военная дисциплина, на которой основывается существование и деятельность буржуазных армий?

Ленин отмечал, что во всех без исключения буржуазных государствах войско существует не столько против внешнего, сколько против внутреннего врага. Это и понятно, ибо, если основной функцией буржуазного государства является подавление эксплуатируемых, то армия, как наиболее мощный аппарат государственного принуждения, естественно, должна быть приспособлена, прежде всего, для выполнения этой цели. Военная дисциплина не может не отражать этого положения: она должна обеспечить слепое повиновение солдатской массы, должна заставить солдат действовать вопреки их классовым интересам, стрелять, если будет приказано, в своих братьев по классу.

Исследования, которые и производил по вопросу о военной дисциплине буржуазных армий, позволяют отметить ряд существенных отличий военной дисциплины в буржуазных государствах от той дисциплины, на которой покоится остальное общественное устройство государства.

Ленин не раз отмечал, что, в отличие от феодального общества, общественное устройство которого базировалось на дисциплине палки, общественное устройство буржуазного общества базируется на дисциплине голода. Из этого и вытекают, между прочим, все остальные отличия буржуазного государства и буржуазного права от феодального государства и феодального права.

Если мы возьмем, например, отрасль, наиболее близкую к теме настоящего доклада, и сравним судебную систему буржуазных государств в период расцвета капитализма—суд присяжных, устность, гласность, состязательность процесса—с судебной системой феодального общества, в частности эпохи абсолютизма, то здесь отличия выступают чрезвычайно ярко и отчетливо.

В буржуазной армии пережитки феодализма сохраняются в значительно большей степени, чем в других отраслях общественной и государственной жизни буржуазных государств.

Конечно, и в других областях общественной жизни капиталистического общества сохраняются пережитки феодализма, т. е. эксплуататорские общества не являются принципиально противоположными одно другому, и такой противоположности, которая существует между социалистическим и капиталистическим обществом, между капиталистическим и феодальным обществом не существует. Поэтому целый ряд институтов феодального права переходит в буржуазное право. Известно, например, что при разработке французского уголовно-процессуального кодекса 1808 года, уголовный кодекс 1670 года использовался в качестве одного из основных источников.

Но если пережитки феодализма сохраняются во всех областях жизни буржуазного государства (в одних в большей, в других в меньшей степени), то в армии роль этих пережитков несравненно выше. Палочная дисциплина феодализма не изжита, конечно, в буржуазном обществе и в гражданских делах, провалывается сплошь и рядом по отношению к непоеноислужающим. Но удельный вес ее вне армии и в армии совершенно различен.

Вот что писал, на этот повод Ленин в письме ЦК „Все на борьбу с Деникиным!“, говоря о возможности воздействия на дезертиров методом убеждения: „Возможность воздействия на дезертиров убеждением и успех такого воздействия показывает совсем особое отношение к крестьянству со стороны рабочего государства в отличие от помещичьего и капиталистического государства. Гнет палки и гнет голода—вот единственный источник дисциплины для двух этих последних видов государства“.

Ленин подчеркивает этот палочный средневековой феодальный характер буржуазных армий и в ряде других статей. Так, в статье „К деревенской бедноте“ Ленин писал: „Если бы солдата не запирали на несколько лет в казарму и не муштровали так бесчеловечно, разве мог бы солдат стрелять в своих братьев рабочих и крестьян“.

В статье „Войско и революция“ по поводу революционных событий в Севастополе, Ленин писал, что события доказывают, что уже нет „старого, рабского порядка в войсках, того порядка, который превращал солдат в вооруженные машины, делал их орудиями позавлечения малейших стремлений к свободе“. „Казарма в России, — писал

он несколько дальше в той же самой статье, — была слышна в рядах ту же искрой торжести; нигде так не давала и не угнетала личности, как в казарме; нигде не процветала в такой степени истязания, побоев, надругательства над человеком*.

Если мы теперь обратимся к области права и обратим внимание на такие, например, телесные наказания в армии пережил на наказаниях, то увидим, что телесные наказания вне армии. Даже в такой немногочисленной лет телесные наказания вне армии. Даже в такой немногочисленной лет телесные наказания вне армии. Даже в такой немногочисленной лет телесные наказания вне армии.

В другом отношении институте феодального права — виконционном процессе — в применении его к армии и общегражданской жизни наблюдается также весьма заметные различия. Так, в Германии (кроме Баварии) частый наказаний процесс в военной юстиции просуществовал до Военно-судебного устава 1898 г., а отдельные элементы виконционного процесса, отраженные в уставе, сохраняются и до сих пор.

Резкая разница имеется в английском уголовном судопроизводстве в военно-уголовном процессе. В то время как право на защиту в общих судах Англии настолько общепризнано, что оно само собой предоставляется, в военном суде роль защитника сводится только к тому, что он сидит рядом с подсудимым и дает ему советы, как себя держать, выступать же и играть какую бы то ни было процессуальную роль он не имеет возможности.

Эти примеры показывают, что в армиях буржуазных государств военные дисциплины феодального общества сохраняются значительно в большей степени, чем вне армии. Конечно, не все буржуазные государства в этом отношении одинаковы. В таких государствах, как Соединенные Штаты Америки, никогда не знавшие феодализма, являются определенными государствами среди всех буржуазных государств, организация армии и военная дисциплина пропитаны в значительной степени капиталистическим духом. Но в европейских континентальных государствах, где господствовал милитаризм, где влияние этого милитаризма на всю общественную жизнь было исключительно велико, военная дисциплина, типичная для эпохи феодализма, продолжала сохраняться и в период капитализма.

Как буржуазные теоретики ставят вопрос о военной дисциплине? Я не буду разбирать всех многочисленных взглядов по этому вопросу, а остановлюсь только на взглядах одного, пожалуй, крупнейшего из теоретиков — Лоренса Штейна. В книге "Учение о военном быте" он писал о двух родах воинского повиновения. Один, низший, род воинского повиновения — нормальное повиновение, заключающееся в автоматическом исполнении приказа. Другой, высший, род повиновения, которое он называет органическим повиновением, заключается не только в пассивном исполнении приказа, но и в умения сообразить, что нужно сделать, чтобы обеспечить наилучшее исполнение приказа. Высший род повиновения требует умения приспособиться к обстановке, умения найти путь для того, чтобы наилучшим способом выполнить приказ.

Повиновение высшего рода Штейн объявляет привилегией офицерского состава. Солдат должен повиноваться, не рассуждая, офицеру является в обязанности рассуждать; он тоже должен повиноваться, но, повиноваясь, должен думать, что делает, и стараться делать так, чтобы приказ был выполнен как можно лучше. Вот почему офицерский состав выдвигается в другом положении в части повиновения по

сравнению с солдатской массой. Почему это так? Потому, объясняет Штейн, что офицерский состав получает специальную военную привилегию и имеет специальную воинскую честь. Таким образом воинская честь как двигатель, как мотив поведения военнослужащего объявляется привилегией офицерского состава. И это вполне понятно. Командный состав буржуазных армий комплектуется из среды господствующих классов. Исполняя приказания, он, в отличие от солдат, в большинстве случаев, защищает свои собственные классовые интересы.

Структура буржуазной армии резко отражает это различие. Пережитки феодализма в буржуазной армии заключаются также и в том, что в ней по существу сохраняется сословный строй, который уже давно живет в других областях общественной жизни. Офицеры и солдаты в большинстве буржуазных армий не только фактически, но и формально-юридически противопоставлены друг другу не менее резко, чем были противопоставлены дворяне и крестьяне в период абсолютизма. Взаимоотношения офицеров и солдат, до сих пор существующие в буржуазных армиях, складывались тогда, когда офицеры комплектовались преимущественно из дворян, а солдатская масса — из крестьян. Именно в тот период и сложилось высокомерно-барское, пренебрежительное, презрительное отношение к солдатам и это отношение сохранялось при капитализме, сохраняется и до сих пор в большинстве буржуазных армий.

Вполне понятно, что палочная дисциплина, которая применяется в буржуазных армиях, вполне соответствует такому соотношению двух составных частей армии — рядового и командного состава. И никакие законы, никакие формально-правовые акты, которые направлены против этой палочной дисциплины, не устраняют фактического положения вещей.

Я не могу не процитировать по этому случаю замечательный приказ прусского короля, который был издан в феврале 1890 г. в связи со скандальным случаем избения солдат офицерами. "До моего сведения дошло, — пишет верховный вождь германской армии, — что приказ от 1 февраля 1843 г. о запрещении избения солдат до сих пор не исполняется как следует". Итак, только через 47 лет после издания приказа до сведения короля дошло, что приказ не исполняется как следует.

Нельзя найти лучшей характеристики тому фактическому положению вещей, которое существует в буржуазных армиях. Из приличья, из желания несколько успокоить общественное мнение, которое иногда волнуется по поводу явных безобразий, имевшихся в армии, издаются законы, приказы, распоряжения, запрещающие грубое отношение к солдатам. Но когда они издаются, никто серьезно не думает их исполнять.

Как писал Ленин, только путем муштровки, путем палочной дисциплины возможно превращение солдата в автомата, только таким способом мог быть подготовлен такой материал, который можно было обратить против своего собственного народа.

В буржуазном государстве правовые нормы, регулирующие отношения в буржуазной армии, т. е. нормы военного права, заметно отличаются от норм, регулирующих правовые отношения вне армии. Конечно, даже в период расцвета капитализма буржуазное государство не могло обойтись без применения палочной дисциплины и по отношению к гражданскому населению. Но это доускалось преимущественно в моменты революционных кризисов. В настоящее время путем распространения на гражданское население

56-88-56 256-88-56

осадное положение, военно-полевые суды и т. п. Эти мероприятия, являющиеся обычным средством борьбы с революционным движением, в период империализма и всеобщего кризиса капитализма превращаются в систему.

Капитализм уже не может держаться на основе нормального действия капиталистической экономики. Ему приходится все в большей и большей степени прибегать к прямому второму империалистическому способу и в последние годы и во время второй империалистической войны, что распространение на гражданское население норм военной обязанности и в последние годы и во время второй империалистической войны, что распространение на гражданское население норм военного права идет в систему. Так, например, поступило французское правительство в ноябре 1938 г., когда возникла угроза общей забастовки во Франции и когда оно, чтобы предотвратить забастовку, милитаризовало предпринятия, распространяя тем самым на рабочих нормы военного права.

Распространение военной дисциплины на все стороны общественной жизни в буржуазном обществе юридически выражается, с одной стороны, в прямом применении норм военного права и к другим областям общественной жизни, а с другой стороны, — в том, что и общее законодательство перестраивается по образцу военного права.

Вот почему в буржуазных государствах нормы военного права образуют отдельную категорию правовых норм, резко выделенную из общей системы, и, в частности, военно-судебное право образовало в буржуазном государстве отдельную, обособленную от общего судебного права, отрасль права. Понятно и то, почему за последние годы это различие все более сглаживается не путем приближения военного права к общему праву, а, наоборот, путем все большей „милитаризации“ общего права.

Нет надобности останавливаться на доказательствах того, что эти условия у нас нет. Можно было бы процитировать десятки мест из работ Ленина, Сталина и Ворошилова, в которых показано, что у нас армия не отделена от народа, что она неразрывно связана с народом, что она не представляет собой чужеродного тела в организме нашего социалистического государства.

Военная дисциплина в армии социалистического государства по своему существу — та же самая сознательная социалистическая дисциплина, на которой зиждется все общественное устройство нашего государства.

В чем сущность социалистической дисциплины, в чем характерные признаки, отличающие ее от дисциплины всякого эксплуататорского общества? В сознательности этой дисциплины, в том, что она зиждется на понимании каждым конечных целей, к которым она ведет.

Вольшею статью 4-ю Временного дисциплинарного устава Красной Армии. В ней говорится:

„В армиях монархий и буржуазно-помещичьих республик дисциплина зиждется на классовом подчинении рядовых солдат дворянско-буржуазному офицерству. Чем менее сознателен солдат капиталистической армии, тем он лучше выполняет обязанности защитника капиталистического строя.

Дисциплина Красной Армии есть новая дисциплина рабоче-крестьянского государства; она основана не на классовом подчинении, а на сознательном понимании всеми военнослужащими цели и значения Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Чем более сознателен воин Красной Армии, тем он лучше выполняет свои революционные обязанности перед социалистическим государством, тем более боеспособной является Рабоче-Крестьянская Красная Армия“.

Значит ли это, что никакой разницы между военной дисциплиной и, например, дисциплиной профсоюзной у нас нет? Конечно не значит.

Бесспорно, что воинская дисциплина обладает рядом специфических отличий от дисциплины в других областях общественной жизни.

Вот пример особенности воинской дисциплины: вне армии смертельная опасность по общему правилу служит для лица, нарушившего долг для спасения себя от этой опасности, извиняющим обстоятельством. Если служащий магазина — кассир, на которого напали бандиты, отдаст бандитам деньги, потому что он иначе был бы убит, он не совершит должностного преступления, не будет нести уголовной ответственности. Но если при аналогичной обстановке военнослужащий изменит долгу только потому, что ему грозила смертельная опасность, то он не только не избавится от уголовной ответственности, но, наоборот, трусость будет обстоятельством, усиливающим вину.

Воинская дисциплина — дисциплина более высокого рода, чем дисциплина вне армии, но качество ее, основа, база — те же самые, а именно, сознание каждым военнослужащим значения этой дисциплины для успешных боевых действий Красной Армии.

Рядовой красноармеец у нас никогда не может получить приказ, исполнение которого шло бы в разрез с его классовыми интересами. Наоборот, выполняя военные уставы и приказы командиров, красноармеец борется за свои собственные классовые интересы. Классовой противоположности между рядовым и начальствующим составом у нас нет. Но это еще не решает поставленного и начале моего доклада вопроса о том, должно ли у нас быть особое военное право и не должно ли военно-судебное право являться подотраслью этого военного права, а не подотраслью общего судебного права.

Принципиально не было бы ничего недопустимого, если бы мы все нормы права, регулирующие жизнь и деятельность армии, объединили бы в одну отрасль права — военное право, если только это вызывается практической необходимостью. Но, могут сказать, тогда наше военное право ничем бы не отличалось от буржуазного права. Нет, конечно, отличалось бы, ибо военное право в буржуазной системе права не только составляет особую отрасль, но отрасль, принципы которой в целом ряде случаев существенно отличаются от принципов других отраслей права. У нас же, если бы мы выделили военное право в особую отрасль права, это была бы отрасль права, которая, так же как и другие, зиждется на основных принципах нашего социалистического права, общих для всех отраслей права. Таким образом, принципиально ничего недопустимого в таком выделении не было бы. Весь вопрос в том, нужно ли это, есть ли в этом практическая необходимость, и чем эта практическая необходимость заключается.

Органы военной юстиции, с одной стороны, — органы осуществления социалистического правосудия, как об этом сказано в Конституции СССР и в Законе о судеустройстве, но, с другой стороны, органы военной юстиции — особый род оружия Красной Армии, применяемый ею в борьбе с такими своими врагами, которых она другими способами одолеть не может. Борьба со шпионами и диверсантами, с изменниками и предателями составляет основную задачу военной юстиции в социалистическом государстве в условиях капиталистического окружения. Тов. Ворошилов в своей речи на XVIII съезде ВКП(б) указал, что процесс об изменниках Тухачевском, Уборевиче и других способствовал усилению мощи боеспособности нашей Красной Армии. Поэтому наша

задача заключается в том, чтобы построить систему права таким образом, чтобы она в наибольшей степени содействовала наилучшему осуществлению этих двух, неразрывно связанных между собой, сторон деятельности нашей военной юстиции. Нельзя отрывать органы военной юстиции ни от общей судебной системы, нераздельную часть которой они составляют, ни от Красной Армии и Военно-Морского Флота, с которыми они, тоже органически связаны.

От чего зависит правильное решение этого вопроса? Мне кажется, если бы можно было выделить ряд понятий и принципов, общих для всех норм, регулирующих жизнь и деятельность армии, т. е. создать общую часть военного права, положения которой имели бы для отдельных норм военного права большее значение, чем положения, выраженные в общих частях других отраслей права — уголовного, судебного, административного и т. д., тогда выделение военного права в особую отрасль было бы вполне оправдано.

Если же, наоборот, положения, которые содержатся в общих частях тех или иных отраслей права, имеют для норм, регулирующих жизнь и деятельность армии, большее значение, чем положения, которые могли бы составлять общую часть военного права, тогда для создания военного права, как особой отрасли права, нет оснований.

Можно ли наметить такие основные положения, которые явились бы достаточным основанием для создания общей части военного права? Конечно, можно.

Например, понятие воинской дисциплины. Оно имеет одинаково важное значение и для военно-судебного права, и для военно-уголовного права, и для военно-административного права, словом, для любой отрасли военного права. Понятие „воинский приказ“, соотношение между различными организациями, соединениями, частями Красной Армии также одинаково важны для всех отраслей военного права. Но вопрос в том, не имеют ли большего значения для специальных отраслей права те принципы, которые содержатся в общей части соответствующих дисциплин?

Я не берусь сегодня дать ответ на вопрос, нужно ли нам военное право в целом. Я не предreshаю, как этот вопрос должен решиться применительно к уголовному, к административному (которое, по моему, должно иметь решающее значение для проблемы военного права) и другим отраслям права, но в отношении военно-судебного права, по моему мнению, этот вопрос решается отрицательно. Мне кажется, что ключевые конкретные институты нашего судебного и военного права позволяют нам сказать, что оснований для отрыва военно-судебного права от общего судебного права у нас нет.

В самом деле, применимы ли основные институты, основные принципы судебного права как к военно-судебному, так и к общему судебному праву?

Задачи советского социалистического правосудия, установленные статьями 2 и 3 Закона о судостроительстве, бесспорно, применимы к общей и к военной юстиции. Правда, в военной юстиции при осуществлении этих задач возникают некоторые специфические особенности, но дело не в них, а в самом существе задач, которые неизменно и для общей и для военной юстиции. Точно также общими для гражданской и военной юстиции являются методы осуществления социалистического правосудия, указанные в статьях 4—10 Закона о судостроительстве: разбирательство дел в судебных заседаниях, организационные принципы суда, выборность, независимость судей, коллеги-

альность суда, участие в суде народных заседателей и т. д. одинаковы и в общих и в военных судах.

Рассматривая применение в органах военной юстиции общих процессуальных институтов, видим, что столь важный раздел процессуального права как доказательственное право применяется в органах военной юстиции точно так же, как и в общих судах. Самая структура уголовного процесса — предварительное расследование, предание суду, судебное рассмотрение дела, кассационное обжалование, надзорный порядок пересмотра приговоров — в основном одинаковы и здесь и там. Наконец, также одинаков порядок выполнения всех важнейших процессуальных актов: допроса, осмотра, предъявления обвинения и пр.

Следовательно, все важнейшие институты общего судебного права в основных чертах применимы и в военно-судебном праве. При таких условиях нет никаких теоретических оснований для признания, что военно-судебное право должно быть у нас резко отнесено от общего судебного права. Наоборот, это дает нам полное основание утверждать, что военно-судебное право у нас представляет собой часть общего судебного права.

Однако из одинаковости основных принципов отнюдь не следует, что военная юстиция не имеет у нас никаких особенностей. Она имеет ряд особенностей. История гражданской войны, в частности, доказывает, что существование военной юстиции, оперативной, быстро и четко работающей и тесно связанной с командованием армии, диктуется военной необходимостью.

Вы знаете, что в первый год после Октябрьской революции у нас не было военных трибуналов. Первое Положение о военных трибуналах датировано 4 февраля 1919 г. Правда, несколько раньше, в январе, была издана инструкция Главного революционного военного трибунала при Реввоенсовете Республики, но эта инструкция серьезного значения не имела. Однако уже в 1918 г., просто в силу практической необходимости, сами местные органы — командование и партийные организации отдельных фронтов и армий — оказались вынужденными создать у себя в явочном порядке органы военной юстиции. Под разного рода названиями, по-разному организованные, возникали они на всех фронтах, во всех армиях, потому что были необходимы.

Вспомните, с чего начинал свою деятельность товарищ Сталин, когда он по заданию ЦК появлялся в наиболее угрожаемых участках нашего фронта. Он начинал с укрепления тыла, с решительной борьбы с контрреволюцией, со шпионами, изменниками, предателями. И без этой подготовительной работы, которую товарищ Сталин со всей свойственной ему решительностью проводил и в Царском, и в Перми, и в Петрограде, не могли бы быть достигнуты те колоссальные успехи, которые были достигнуты под его руководством.

Особенности и специфические черты военной юстиции имеет и в мирное время. В частности, уже тот факт, что военная дисциплина у нас хотя и покоится на тех же основах, что и дисциплина вне армии, но представляет собой особый вид этой сознательной дисциплины, создает ряд особенностей военной юстиции, являющейся хотя и вспомогательным, но необходимым орудием укрепления дисциплины. Кроме вопроса о дисциплине и мог бы привести и ряд других вопросов, определяющих особенности военной юстиции. Но я остановлюсь на двух важнейших особенностях, связанных с боевой обстановкой.

Во-первых, необходимость согласования деятельности военной юстиции с ходом военных операций, а отсюда — необходимость тесной

согласованности в действиях военной юстиции и военного командования.

Это согласование деятельности военной юстиции с ходом военных операций отнюдь не означает, что в военной обстановке органы юстиции не осуществляют правосудия, что правосудие отходит на второй план. Это не так, это троцкистская точка зрения, в свое время защищавшаяся Давыдовским, который считал, что военные трибуналы это не суд, а органы расправы. Говори о согласовании действий военной юстиции с военным командованием во время боевых операций, и вынес в виду следующее:

1) Необходимость во все моменты процесса, начиная от возбуждения дела и кончая вынесением приговора, учитывать при оценке общественной опасности преступления то значение, которое это преступление может иметь для успеха боевых действий. Без этого учета деятельность военной юстиции не только не окажет пользу, но может пойти во вред успеху военных операций.

2) Весь ход процесса, как предварительного расследования, так и судебного рассмотрения дела, должен соответствовать требованиям, вытекающим из хода боевых операций.

Так, если по обстоятельствам, сложившимся на данном участке фронта, требуется, чтобы такое-то дело было рассмотрено немедленно в непосредственно на передовых позициях, это требование должно быть осуществлено. В условиях боевой обстановки сплошь и рядом может случиться, что если дело будет рассмотрено в трибунале с опозданием на несколько часов и не в районе боевых действий, где этот долг должен быть достигнут определенный эффект, судебный процесс не выполнит своего назначения и не поможет армии одержать победу.

Конечно, быстрота рассмотрения дел нужна и в других органах юстиции. Волокита нигде не годится. Но в армии, в боевой обстановке, — быстрота рассмотрения дел приобретает исключительно важное значение, ибо в условиях боевой обстановки политический эффект судебного процесса может зависеть от срока, исчисляемого днями, а то и часами.

Это и характеризует особенности военной юстиции и отличие ее от общей юстиции. Это учло в наше законодательство, которое поручило осуществление правосудия в армии не общим судам, а военным трибуналам.

Таким образом, из этих соображений следует вывод, что хотя у нас и нет оснований отнрывать военно-судебное право от обще-судебного права, в виду общности для того и другого основных принципов советской юстиции, тем не менее, у нас есть все основания для того, чтобы в пределах общего судебного права, в виде особой его подотрасли, существовало и военно-судебное право.

Если мы возьмем наш действующий Уголовно-процессуальный кодекс, то увидим, что в нем нормы, касающиеся деятельности военной юстиции, разбросаны по разным главам, по разным институтам кодекса. Я считаю, что это неправильно.

Особенности в деятельности военной юстиции далеко не исчерпываются тем, что я изложил. Эти особенности не представляют собой отдельных, разрозненных и не связанных друг с другом деталей. Они органически связаны между собой и поэтому они и в законодательстве и в теории должны представлять строго единое логическое целое.

Другими словами, это означает, что оснований для издания у нас особого военно-судебного кодекса нет. Если бы такой кодекс был

у нас издан, то он в значительной степени просто воспроизводил бы нормы общего процессуального кодекса, что конечно бессмысленно. Но в пределах общего процессуального кодекса должна быть особая глава, посвященная особенностям судопроизводства в органах военной юстиции, так же, как в Уголовном кодексе имеется глава, посвященная воинским преступлениям.

Мне кажется, что именно при таком построении наше военно-судебное право будет в состоянии в наибольшей степени выполнить свое назначение. Мне кажется, что опираясь, с одной стороны, на принципы нашего общего судебного права, выдержавшие многолетние испытания и являющиеся вполне надежным средством к установлению истины, и достигая цели социалистического правосудия, а с другой стороны, пользуясь теми особыми нормами, которые вытекают из специфических особенностей нашей военной юстиции, — военные трибуналы, военно-следственный аппарат и военная прокуратура могут в наилучшей степени сочетать два предъявляемых к ним требования — быть органами социалистического правосудия и особым родом оружия Красной Армии. Эти два требования обуславливают одно другое потому, что, осуществляя социалистическое правосудие, военные трибуналы тем самым способствуют усилению боеспособности Красной Армии, а усиливая боевую мощь Красной Армии, выполняют основную задачу социалистического правосудия — защиту нашего социалистического отечества от всяких посягательств.

Доклад В. М. Чхиквадзе „К вопросу о предмете советского военно-уголовного права“

1

Одной из важнейших функций советского государства, находящегося в капиталистическом окружении, является военная защита страны социализма от нападения илзе. Эту огромной важности задачу призваны выполнять Красная Армия и Военно-Морской Флот — вооруженные силы Советского Союза.

Красная Армия — сильнейшая армия в мире — способна в любой момент нанести сокрушительный удар и разгромить любого врага на его территории. Нами в капиталистическом окружении вызывает, однако, необходимость еще больше укрепить обороноспособность нашей страны.

... нужно всемерно усилить и укрепить нашу Красную армию, Красный флот, Красную авиацию, Осоавиахим. Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая „случайность“ и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застичуть нас врасплох...“ (Сталин, Ответ т. Иванову).

Решающим условием жизни и деятельности Красной Армии и Военно-Морского Флота является воинская дисциплина. Высокая дисциплина есть основа всякой организации, тем более военной. Армия не может быть годной, действительной силой, если в ней не проведена строгая дисциплина. Без дисциплины — нет армии.

Дисциплина, установленная в армии, всегда носит классовый характер. Природа армии определяется характером государства, которое она защищает. Характер и назначение армии определяют содержание установленной в ней дисциплины.

Дисциплина в буржуазных армиях строится на принципах, обеспечивающих осуществление шее захватнических стремлений империалистических государств и подавление революционного движения трудящихся внутри страны. Она строится на механическом подчинении солдата своему начальнику, без внутреннего сознания необходимости такого подчинения, опирается не на сознательное отношение солдата к своим обязанностям, а на слепое повиновение начальнику.

При помощи палочной дисциплины, постоянного страха перед наказанием, насилием и произволом, царящим в капиталистических армиях, буржуазия старается воспитать солдат-автомат, беспроблемно повиновующегося своему начальству. Буржуазия стремится воспитать послушных для своих целей солдат путем насаждения империалистической идеологии и проведения террористической дисциплины и солдатских казарм.

На принципиально иных началах строится и строится воинская дисциплина Красной Армии и Военно-Морского Флота. Ленин говорил: „...со времени начала социалистической революции, дисциплина должна создаваться на совершенно новых началах, дисциплина доверия и организованности рабочих и беднейших крестьян, дисциплина товарищеская, дисциплина всяческого уважения, дисциплина самостоятельности и инициативы в борьбе“.

Каждому общественно-политическому строю присуща своя дисциплина. Воинская дисциплина является одним из выражений общей дисциплины общественного строя.

Советская воинская дисциплина — основной моральный фактор существования Красной Армии — базируется на дисциплине всего нашего социалистического общества. Организованность и дисциплинированность всего рабочего класса СССР обуславливают содержание советской воинской дисциплины.

Ленин и Сталин неоднократно подчеркивали громадное значение советской воинской дисциплины, ибо чем выше уровень дисциплины, тем выше боевая мощь войск. Создавая Красную Армию, армию освобождения труда, Ленин и Сталин считали основным условием ее существования внедрение в ней строжайшей воинской дисциплины.

„Когда мы начинали создавать Красную Армию, — говорил Ленин в 1919 году, — это были отдельные, разрозненные группы партизан. Было много лишних жертв, благодаря отсутствию дисциплины и сплоченности, но мы эти трудности одолели и на место партизанских отрядов создали миллионную Красную Армию“ (Ленин, том XXIV, стр. 541).

Выступая на VIII съезде партии, Ленин и Сталин беспощадно бичевали „военную оппозицию“, которая пыталась защитить пережитки партизанщины, отрицала необходимость строгой воинской дисциплины, в целом была против создания регулярной Красной Армии. Сталин говорил: „...Либо создадим настоящую рабоче-крестьянскую, по преимуществу крестьянскую, строго дисциплинированную армию и защитим республику, либо пропадем“.

В 1920 году, по поводу замечаний английских писателей о том, что Красная Армия крепнет потому, что ее держат в железной дисциплине, проводимой беспощадными мерами, Ленин писал: „Война есть война, она требует железной дисциплины“ (Ленин, том XXV, стр. 56).

Ленин призывал не останавливаться ни перед какими трудностями, чтобы создать железную воинскую дисциплину. Сентиментальность в этом деле Ленин рассматривал как преступление. Ленин считал, что тот, кто отстает от строгой дисциплины, выпускает врагов в свою среду. „У нас есть люди, — писал Ленин, — которые говорят по поводу военной дисциплины: „Вот еще! К чему это?“. Такие люди не понимают положение России... Не делайте себе никаких иллюзий. Чтобы победить, нужна величайшая борьба, нужна железная, военная дисциплина. Кто этого не понял, тот ничего не понял в условиях сохранения рабочей власти и приносит своими соображениями большой вред этой самой рабоче-крестьянской власти“.

Источником дисциплины Красной Армии является внутреннее сознание каждого бойца значения организованности, сознательного исполнения воинского долга, необходимости подчинения единой воле в борьбе за построение коммунистического общества.

„Красная армия сильна тем, что сознательно и единодушно идет в бой за крестьянскую землю, за власть рабочих и крестьян, за Советскую власть“, — говорил Ленин в своем обращении к Красной Армии. (Ленин, том XXIV, стр. 197).

Тов. Фрунзе, сравнивая дисциплину буржуазных армий с дисциплиной Красной Армии, писал: «Идеология нового класса, ставшего у власти, нашла свое отражение и во внутреннем быту Красной армии. Понятие о дисциплине изменялось. Вместо механического подчинения, основанного на страхе и насилии, создается дисциплина солдата, основанная на сознании необходимости подчинения» (Фрунзе, Избран. произв., 1934, стр. 57).

В исторической работе «Великий почин», посвященной героизму рабочих, Ленин так характеризует природу воинской дисциплины Красной Армии: «Печать сообщает много примеров героизма красноармейской Армии: Печать сообщает много примеров героизма, денкинцизма и др. Рабочие и крестьяне в борьбе с колчаковцами, денкинцистами и др. другими войсками помещиков и капиталистов проявляют нередко чудеса храбрости и выносливости, отстаивая завоевания социалистической революции... Героизм трудящихся масс, сознательно приносящих жертвы делу победы социализма, вот что является основой новой, товарищеской дисциплины в Красной Армии, ее возрождения, укрепления, роста» (Ленин, том XXIV, стр. 329).

В другом месте Ленин говорит: «Красная армия создала невиданно твердую дисциплину, не из-под палки, а на основе сознательности, преданности, самоотвержения самих рабочих и крестьян» (Ленин, том XXIV, стр. 202).

Глубокая осмысленность значения военной службы, понимание своего долга и обязанности, преданность социалистической родине — вот что является главным в дисциплине Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Беспрекословное повиновение начальнику, абсолютное подчинение своей воле воле начальника являются основным принципом советской воинской дисциплины, непреложным законом для Красной Армии.

Ленин придавал воинской организованности, беспрекословному повиновению воле начальника, слаженности армейского организма исключительное значение.

«Возьмем современное войско, — писал он. — Вот — один из хороших образчиков организации. И хороша эта организация только потому, что она — гибка, умея вместе с тем миллионам людей давать единую волю. Сегодня эти миллионы сидят у себя по домам, в разных концах страны. Завтра приказ о мобилизации — и они соберутся в назначенные пункты. Сегодня они лежат в траншеях, лежат иногда месяцами. Завтра они в другом порядке идут на штурм. Сегодня они провалят чудеса, прячась от пуль и от шрапнели. Завтра они провалят чудеса в открытом бою... Вот это называется организацией, когда во имя одной цели, одушевленные одной волей, миллионы людей меняют форму своего общения и своего действия, меняют место и время деятельности, меняют орудия и оружия сообразно изменяющимся обстоятельствам и запросам борьбы».

II

В условиях внешней напряженной международной обстановки, острой борьбы с изощренными, советское государство уделяет огромное внимание повышению боевой мощи Красной Армии. Ярким выражением этого внимания является ряд мероприятий, направленных на дальнейшее укрепление советской воинской дисциплины.

Борьба за укрепление советской воинской дисциплины ведется при помощи различных методов и способов. Первостепенное значение

в этом деле имеет широкое внедрение в Красной Армии политико-воспитательной работы.

Но одни только методы политико-воспитательной и массово-разъяснительной работы недостаточны в борьбе за высокую воинскую дисциплину, организованность и сознательность. Существенную роль в укреплении советской воинской дисциплины играет и принуждение, проводимое государством с помощью специально для этой цели изданных военно-уголовных законов.

Дело в том, что, несмотря на неумолчный рост коммунистической сознательности советского народа, пережитки капитализма в сознании людей еще не вытравлены до конца, что в армию все еще приходят отдельные лица с грузом мелкобуржуазных привычек. Нигде опаснее этих привычек и традиций не имеет такой остроты, как в армии. Малейшее проявление недисциплинированности, расхлябанности, распушенности и других мелкобуржуазных привычек создает в армии возможность совершения самых тяжелых преступлений, угрожает причинением громадного ущерба боевой мощи Красной Армии. Было бы губочайшей ошибкой думать, что только одними методами убеждения, разъяснения, силой примера и показа можно побороть эти привычки.

Ленин учил, что борьбу с мелкобуржуазной стихией «нельзя вести только пропагандой и агитацией, только организацией соревнования, только отбором организаторов, — борьбу надо вести и принуждением» (Ленин, том XXII, стр. 460). Всякого, кто виновен в нарушении трудовой дисциплины в любой организации, в любом деле, «надо уметь находить, отдавать под суд и карать беспощадно», — требовал Ленин. (Там же).

Это указание Ленина еще более имеет отношение к борьбе с нарушителями советской воинской дисциплины.

Ленин неоднократно требовал применения самых суровых мер наказания против тех, кто совершает посягательство на советскую воинскую дисциплину.

«Единство воли на войне, — писал Ленин, — выражалось в том, что если кто-либо свои собственные интересы... ставил выше общих интересов, его клеймили шукирем, его расстреливали, и этот расстрел оправдывался нравственным сознанием рабочего класса, что он должен идти к победе. Про эти расстрелы мы открыто говорили, мы говорили, что мы насилие не прищем, потому что мы сознаем, что из старого общества без принуждения отсталой части пролетариата мы выйти не сможем. Вот в чем выражалось единство воли. И это единство воли на практике осуществлялось в наказании каждого дезертира, в каждом сражении, в походе, когда коммунисты шли вперед, показывая пример» (Ленин, том XXV, стр. 143).

Советская власть с первых же дней организации Красной Армии ставила вопрос о безусловном и точном соблюдении всеми военнослужащими советской воинской дисциплины, требовала применения жестких мер уголовного наказания против трусов, дезертиров, шукирем, мародеров.

В обращении к трудящемуся населению России о создании вооруженных сил республики, Совнарком призывал местные советы и армейские организации «...приложить все силы к воссозданию армии. Все разражающие элементы, хулиганы, мародеры, трусы должны быть беспощадно изгнаны из рядов армии, а при попытках сопротивления — должны быть стерты с лица земли... Нужно установить в рядах армии и по всей стране строжайшую дисциплину».

V Всероссийский Съезд Советов, собравшись через четыре месяца после этого обращения, в своих решениях записал, что Красная Армия должна быть построена на основе железной революционной дисциплины. Гражданин, который получил оружие от Советской власти для защиты интересов трудящихся и обязан беспрекословно подчиниться требованиям и приказам поставленных советской властью ком и приказам поставленных советской властью командиров. Шкурники, трусы и дезертиры, которые покидают боевые посты, должны караться беспощадно.

III

Существование советского военно-уголовного права обусловлено существованием Красной Армии, теми особенностями ее жизни и деятельности, которыми она отличается от других советских организаций.

Господствующий в Красной Армии правопорядок хотя и исходит из общего советского правопорядка, но существенно от него отличается. Советская воинская дисциплина в целом базируется на дисциплине всего социалистического общества, однако, было бы неправильно отождествлять воинскую дисциплину с другими видами дисциплины социалистического строя, существующими, например, в различных государственных учреждениях или профсоюзах. Советская воинская дисциплина является высшей формой государственной дисциплины. Не противопоставляя повиновение в Красной Армии повиновению, существующему в других учреждениях и предприятиях советского государства, нельзя, однако, не видеть то различие, которое имеется между ними. В Красной Армии, в отличие от других советских организаций, проводится принцип абсолютного, беспрекословного повиновения. Порядок прохождения военной службы во многом отличен от порядка службы в других учреждениях и организациях советского государства.

Перечисленные и многие другие особенности военного быта являются основной задачей Красной Армии — вооруженной защиты советского государства, обеспечения неприкосновенности границ и независимости Советского Союза.

Установленные в Красной Армии и Военно-Морском Флоте правопорядок и дисциплина возлагают на военнослужащих весьма сложные и исключительные обязанности. Нарушения этих обязанностей дают содержание воинским преступлениям. В силу этого, в армии возможны такие преступления, которые невозможны в гражданском обществе, например, бегство с поля сражения во время боя, самовольное отступление начальника от данных ему для боя распоряжений, сдача неприятелю начальником вверенных ему сил и средств ведения войны и т. д.

Больше того, ввиду особых условий военного быта, многие уголовные преступления, совершенные военнослужащими в армии, приобретают особые качества. Такие общеуголовные преступления, как например, оскорбление подчиненным начальника, злоупотребление властью, превышение власти, хищение социалистической собственности и т. д., совершенные в армии, представляют собой посягательство на установленный порядок несения военной службы, подрывают боеготовность армии и потому являются особо опасными преступлениями, направленными против армии.

Необходимость издания советским государством специальных военноуголовных законов диктуется как тем, что общеуголовные законы не предусматривают таких преступлений, которые совершаются лишь в армии, так и тем, что общеуголовные законы не могут охранять установленный в армии и флоте порядок несения военной службы, воинскую дисциплину.

Из всего этого исходил и исходит советский законодатель, издавая специальные военно-уголовные законы. Такие специальные законы начали издаваться уже с первых дней организации Красной Армии. Эти законы направлялись против дезертизма, неуволнения приказаний, нарушения уставных правил внутренней службы и других воинских преступлений. В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. законы о воинских преступлениях были впервые объединены в специальную главу. В 1924 г. правительством Союза ССР было издано «Положение о воинских преступлениях», которое с тех пор подвергалось неоднократным изменениям. Последний закон о борьбе с дезертизмом и самовольной отлучкой, утвержденный Верховным Советом Союза ССР, наглядно показывает, какое огромное значение придает советское государство специальным военно-уголовным законам во борьбе с воинскими преступлениями.

IV

Советское военно-уголовное право находится в неразрывной связи, в единстве с общим уголовным правом. Это единство вытекает из единства Красной Армии и всего остального советского народа.

Все основные постановления и принципы Общей части советского уголовного права (действие уголовного закона во времени и пространстве, учение об объекте и субъекте преступления, о вине и уголовной ответственности, о соучастии, о стадиях развития преступления, общие принципы применения наказания и т. д.) в основном применимы и в военно-уголовном праве. Иначе говоря, Общая часть советского уголовного права является обязательной и для «Положения о воинских преступлениях», которое не имеет Общей части. Но в связи с особенностями, присущими военному быту, институты Общей части уголовного права в применении к воинским преступлениям претерпевают некоторые изменения. Для примера возьмем хотя бы вопрос об обстоятельствах, устраняющих общественную опасность в условиях армии.

Как уже указывалось выше, в Красной Армии проведен принцип безусловного повиновения. Вся армейская жизнь построена на началах точного и беспрекословного исполнения подчиненным воли начальника. Приказ в Красной Армии является категорической формой обращения начальника к подчиненному; это — обязательное для выполнения требование советского начальника — представителя советской власти, обращенное к подчиненному.

Служба в Красной Армии есть государственный долг гражданина СССР. От военнослужащего требуется выполнение этого долга с полным сознанием всей своей ответственности перед государством. Поэтому не только боевой приказ, но и любое распоряжение начальника должно выполняться безоговорочно, по-военному четко, с напряжением всех сил и способностей.

В Красной Армии абсолютно недопустимо какое бы то ни было обсуждение приказа и приказаний. Допустить какое-либо исключение

из принципа безусловного повиновения—это значит сделать повиновение условным, заранее допустить возможность неисполнения приказа.

Ответственность за последствия исполнения подчиненным приказа падает полностью на начальника, отдавшего приказ. Подчиненный же несет ответственность за неисполнение приказа.

Таким образом, принцип безусловного повиновения обуславливает безусловное повиновение подчиненному в вину последствия неисполнения им приказа.

Так обстоит дело с исполнением приказа, как обстоятельством, исключающим общественную опасность действия в военно-уголовном праве. Иначе этот вопрос разрешается в общем уголовном праве.

Военно-уголовное право, в отличие от общего уголовного права, знает, в качестве обстоятельства, исключающего общественную опасность деяния, вооруженное принуждение начальником к повиновению своего подчиненного. Согласно ст. 7 Временного Дисциплинарного устава Красной Армии, «в боевой обстановке к не исполняющим боевого приказа в случаях, не терпящих отлагательства, начальники не только имеют право, но и обязаны применять вооруженное принуждение».

Хотя Общая часть уголовного права, предусматривающая институт необходимой обороны, и не содержит никаких изъятий по поводу применения его к воинским преступлениям, тем не менее, существующие в армии отношения и специальные обязанности военнослужащих вызывают ряд изменений в осуществлении необходимой обороны в уголовных Красной Армии. Так, например, право каждого советского гражданина на необходимую оборону для военнослужащего превращается в обязанность во всех тех случаях, когда преступное посягательство касается защиты установленного в армии порядка несения службы и осуществления возложенных на армию задач.

В ряде случаев применение необходимой обороны в военно-уголовном праве ограничивается, либо запрещается вовсе. Военно-уголовное право не может допустить, например, безусловного применения необходимой обороны в сфере служебных отношений, существующих между начальником и подчиненным.

В условиях армии применение института крайней необходимости либо исключается вовсе, либо может иметь место в весьма ограниченных случаях. Неограниченное применение этого института в армии повлекло бы за собой тяжелые последствия. Это по существу означало бы разрешение военнослужащему во избежание личной опасности нарушить обязанности по военной службе, оставаться во время боя поле сражения, выдавать военную тайну врагу и т. п. Между тем, обязанности военнослужащих, вытекающие из установленного в армии порядка несения службы, не могут быть нарушены ни при каких условиях и обстоятельствах, и всякое их нарушение, хотя бы для спасения своей жизни, в военно-уголовном праве считается преступлением.

Особенности военного быта вызвали необходимость создания в Красной Армии дисциплинарного батальона для лиц рядового и младшего начальствующего состава, осужденных за воинские или общественные преступления к лишению свободы на срок от 6 месяцев до 2 лет. Организация такой исправительной части свидетельствует о непригодности общих мест заключения для выполнения задач исправления совершивших преступления военнослужащих.

Режим принудительно-трудового воздействия, установленный в общих местах лишения свободы, способный содействовать общему

исправлению осужденных военнослужащих, не может укреплять в них военных навыков, полученных ими боевых знаний.

Совершение воинского преступления лицом рядового или младшего начальствующего состава Красной Армии не всегда свидетельствует о совершенной непригодности его для службы в армии. Дисциплинарный батальон призван путем сурового принудительного воздействия исправлять нарушителей воинской дисциплины, приучать их к неуклонному выполнению всех ее требований.

V

Задачи, стоящие перед советским военно-уголовным правом, не являются принципиально отличными от задач социалистического уголовного права.

Задачей советского уголовного права является судебно-правовая защита государства трудящихся от общественно-опасных деяний, подрывающих власть трудящихся или нарушающих установленный ею правопорядок. Эту же задачу призвано выполнять и военно-уголовное право.

Задачи советского военно-уголовного права являются лишь конкретным выражением общих задач социалистического уголовного права в специальной области — в области усиления обороноспособности СССР и укрепления боеспособности Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Иначе говоря, военно-уголовное право, отталкиваясь от общих задач социалистического уголовного права, выполняет частные, специальные задачи.

Важнейшей задачей советского военно-уголовного права является укрепление советской воинской дисциплины, охрана установленного в Красной Армии порядка несения военной службы. Советские военно-уголовные законы не только карают преступников, но являются вместе с тем могучим средством воспитания военнослужащих в духе преданности социалистической родине.

В отношении врагов народа — изменников родины, шпионов, дезертиров, террористов, предателей и иных предателей, проникающих в Красную Армию с целью подрыва ее мощи, советское военно-уголовное право проводит беспощадную борьбу, рассчитанную на полное подавление.

Вместе с тем советское военно-уголовное право, предусматривая суровые меры наказания в отношении всех других лиц, совершающих посягательства, хотя и не в контрреволюционных целях, на советский воинский правопорядок, преследует и задачи воспитательного значения, приучает к строжайшему соблюдению основных требований железной воинской дисциплины.

Охрана общественной, социалистической собственности в Красной Армии также составляет важнейшую задачу советского военно-уголовного права. Социалистическая собственность на оружие, воинское снаряжение, предметы обмундирования, питания, медицинского обслуживания и т. д. является материальной основой мощи Красной Армии.

Охраняя социалистическую собственность в Красной Армии, советское военно-уголовное право тем самым способствует укреплению боевой мощи вооруженных сил социалистического государства рабочих и крестьян.

Таким образом, советское военно-уголовное право, наряду с выполнением задач карательного характера, является и необходимым вспомогательным средством укрепления морально-политического состояния Красной Армии и Военно-Морского Флота.

VI

Научная разработка вопросов советского военно-уголовного права находится в начальной стадии. Основной причиной такого ее состояния является вредительство, имевшее место на фронте теории государства и права. Вредители сознательно игнорировали значение правового положения Красной Армии, не считали нужным признавать правовые отношения, возникающие внутри Красной Армии, отрицали необходимость научного изучения вопросов военного и военно-уголовного права.

С другой стороны, известную роль в этом сыграла и недооценка теоретическими работниками общей науки права значения советского военного и военно-уголовного права как части системы социалистического права.

Не подлежит никакому сомнению, что наша жизнь и действительность давно уже выдвинула задачу создания науки советского военно-уголовного права.

Задача работников теоретического фронта уголовного права состоит в том, чтобы, пользуясь методом материалистической диалектики и отталкиваясь от задач Красной Армии, на основе общих принципов социалистического уголовного права, исследовать советское военно-уголовное законодательство и наметить основные пути его дальнейшего развития.

Наука советского военно-уголовного права должна, на основе марксистско-ленинского учения о преступлении, исследовать причины, социальную и юридическую сущность тех преступных деяний, которые возможны лишь в условиях армии и флота; а также тех общеуголовных преступлений, которые при совершении в армии приобретают особое свойство.

Наука советского военно-уголовного права должна подвергнуть анализу, с точки зрения особых условий и требований военного быта, отдельные меры уголовного наказания, основные институты Общей части уголовного права, показать особенности их применения к воинским преступлениям, обосновать необходимость изменения тех из них, которые не соответствуют интересам Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Научное историческое развитие военно-уголовного законодательства эксплуататорских государств, вскрытие подлинного содержания воинских преступлений и наказаний, предусмотренных военно-уголовными кодексами буржуазных стран, также должно входить в предмет советской науки военно-уголовного права.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что советское военно-уголовное право следует рассматривать как отрасль социалистического уголовного права, а советскую науку военно-уголовного права — как часть той общей советской науки, которая занимается изучением закономерностей развития преступлений в условиях классового общества, основных институтов уголовного права, системы уголовного законодательства и наказания, как орудия защиты интересов господствующего класса от общественно-опасных действий.

Советское военно-уголовное право принципиально отличается от буржуазного военно-уголовного права как по содержанию, так и по форме. Буржуазное военно-уголовное право играет сугубо реакционную роль. Оно ставит своей задачей беспощадную борьбу с революционным движением в армии.

Военно-уголовные кодексы буржуазных стран наглядно показывают, что буржуазные армии служат орудием не только осуществления внешне-захватнической политики и военных авантюр империалистических государств, но и угнетения трудящихся масс, подавления революционного движения рабочих и крестьян. Военно-уголовные кодексы империалистических государств узаконивают широкое использование армии для подавления революционных волнений внутри страны. Достаточно взять ст. 22 Военно-уголовного кодекса Японии, чтобы в этом окончательно убедиться. Эта статья гласит: «Мероприятия, которые необходимы для подавления какого-либо восстания, или волнения, или для поддержания дисциплины в войсках перед лицом врага, не рассматриваются как наказуемые действия».

Эта и подобные ей статьи в военно-уголовных кодексах других буржуазных стран объявляют безнаказанными все зверства, убийства мирных жителей, поджоги деревень, грабежи, насилия и другие преступления империалистической военизированной армии при подавлении революционных волнений трудящихся масс.

Военно-уголовные кодексы буржуазных стран юридически закрепляют фактическое бесправие солдатской массы, издевательства, насилия и оскорбления личности солдата со стороны офицерства.

Однако, несмотря на широкое применение суровых мер наказания, предусмотренных военно-уголовными кодексами буржуазных стран, буржуазия не в состоянии сломить революционный дух одетых в солдатские шинели рабочих и крестьян.

VII

В буржуазной уголовно-правовой литературе вопрос о роли и месте военно-уголовного права решается различно.

Ряд русских юристов, работавших в дореволюционное время над вопросами военно-уголовного права, стоял на той точке зрения, что военно-уголовное право является самостоятельной отраслью общего уголовного права.

Известный дореволюционный юрист проф. Кузьмин-Каравеев в своем курсе «Военно-уголовное право» писал, что «раз существуют специальные, по содержанию, воинские преступные деяния, воинские наказания и особые условия приложения воинских наказаний, то и наказания и особые условия изучения их природы, составляет, по содержанию же, самостоятельную отрасль той науки, которая занимается изучением природы преступных деяний и наказаний вообще и общих условий приложения наказания».

Следовательно, военно-уголовное право есть самостоятельная отрасль общего уголовного права. Оно самостоятельно настолько, насколько предмет его изучения составляют воинские преступные деяния, воинские наказания и условия их назначения». (Военно-уголовное право, 1895, стр. 89—90).

На самостоятельный характер военно-уголовного права указывал и проф. Друдкой. Он так обосновывал самостоятельность военно-уголовного права. «Насколько не сомнительна связь военно-уголовного права с правом общеуголовным, настолько же бесспорно, по на-

теоретически *соборщинами* буржуазия усилить репрессии против расистского революционного движения в армии, стремлением буржуазии поддержать в армии калочную дисциплину.

Советское военно-уголовное право, как известно, не предусматривает специальных военных наказаний и не устанавливает никаких различий между задачами наказания по общим и специальным преступлениям. Единственным отличием от задачи наказания по *общему* уголовному праву, так и по сути задачи и системы наказания как по *общему* уголовному праву, является характерной особенностью наказания по советскому уголовному праву.

В буржуазной литературе военно-уголовного права встречается взгляд, доказывающий самостоятельное значение военно-уголовного права, исходя из факта наличия *особых* военно-уголовных кодексов. Наличие во многих буржуазных государствах специальных военно-уголовных кодексов объясняется *особым* положением армий в буржуазных государствах, их *особенностью*, противопоставленным в правовом положении армии народу.

Советское военно-уголовное законодательство не выделено в самостоятельный военно-уголовный кодекс ввиду отсутствия тех причин, существование которых в буржуазных кодексах вызывает *необходимость* в *особых* военно-уголовных кодексах. Красная Армия неразрывно связана со всем советским народом. Вследствие этого нет никакой *необходимости* противопоставлять ее в законодательстве всему остальному народу, нет *необходимости* в создании для армии специального уголовного кодекса. Является не случайной та позиция, которую занимает наше социалистическое законодательство с первых же лет издания специальных военно-уголовных законов, регулирующих *борьбу* с военными преступлениями.

Военно-уголовное законодательство является составной частью социалистического уголовного законодательства.

Положение о военных преступлениях не является *особым* военно-уголовным кодексом. Оно принципиально отличается от действующих в буржуазных странах военно-уголовных кодексов не только по сути содержания, но и по форме, по построению. Положение о военных преступлениях не имеет *общей* части и содержит лишь перечень конкретных военных преступлений, нарушающих порядок военной службы, являясь ли больше, ли меньше как одной из глав уголовного кодекса союзных республик. С другой стороны, *общая* часть уголовного кодекса не устанавливает ни одного специального института для военных преступлений.

***

Переход работниками теоретического фронта уголовного права стоит перед нами задача — принять активное участие в научной разработке важнейших вопросов военно-уголовного права и тем самым способствовать укреплению советской военной дисциплины, усилению *беспощадности* нашей доблестной Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Прения по докладом тт. Голунского и Чхиквадзе

Проф. Абрамович-Барановский. Самое заглавие доклада проф. Голунского — „Предмет и система военно-судебного права“, а также выражения — „военное право“, „военный трибунал“ и т. д. постоянно встречающиеся в юридическом языке нашего социалистического государства, с достаточной ясностью указывают на существование в нашем законодательстве нормы военного права. Докладчик же не дает определения военного права.

Основным недостатком доклада является то, что, вопреки заглавию доклада, в нем нет точного определения предмета военно-судебного права, сама система военно-судебного права не приводится, не приводятся также и соображения по поводу того, в чем заключаются интересы военного дела и военной дисциплины, вытекающие *необходимость* создания военной юстиции. Без этого непонятно, чем вымывается существование военно-судебного права и почему в социалистическом государстве существуют военные трибуналы, как *особая* судебная система.

Докладчик, отмечая только изъятия из *общего* права, установленные для военных трибуналов, ничего не говорит о положительных задачах этих трибуналов; говоря *об особенностях* военных трибуналов, не упоминает о самой важной их *особенности*, которая делает их именно военными судами. Эта *особенность* — состав военных трибуналов, правильное сочетание в них военного и народного элементов.

Иностранные законодатели всех эпох и народов были над тем, каким должен быть состав военного суда, и нигде не было найдено такого удачного решения, как у нас, при социалистическом строе. Введение во время французской буржуазной революции присяжных заседателей из граждан в военные суды привело к развалу дисциплины в армии, вследствие чего произошел переход к военным судам, им в армии, вследствие чего произошел переход к военным судам, состоящим исключительно из военнослужащих. У нас же состав военного трибунала таков, что гражданские заседатели в нем не только не могут уронить дисциплину, но и *сообщают* трибуналу особый авторитет.

Далее докладчик противопоставляет *общее*-судебное право праву военному. Такое противопоставление неправильно, потому что при нем не учитывается взаимодействие этих правовых дисциплин, заключающееся в том, что военно-судебное право является регулятором двух взаимных действий: требований военного дела и военной дисциплины и требований народного правосознания.

Требования военного дела и военной дисциплины называются в некоторых случаях *необходимостью* установления для армии изъятий из *общего* права, и тогда эти изъятия, как установленные исключе-

тельно для армии, получают название норм военного права. Если же такие изъятия издаются в форме соответствующих изменений норм общего судебного кодекса, то они получают название норм военно-судебного права.

В силу же требований народного правосознания военно-судебное право должно быть построено и согласовано с общим уголовно-судебным правом.

В результате этих двоякого рода требований и повлечется военно-судебное право, и там, где оба указанные начала согласованы правильно, может получиться надлежащее военно-судебное право.

Наконец военное право нельзя противопоставить общему уголовному праву, как нельзя противопоставлять друг другу право уголовное, гражданское, государственное, так как они являются необходимыми отраслями единого права страны, различающимися между собой только по содержанию норм, сгруппированных по этому признаку в отдельных кодексах для удобства применения и изучения их.

Военное право нельзя противопоставлять другим отраслям права также и потому, что все нормы права издаются одним законодателем, и поэтому невозможно допустить, чтобы одни нормы противопоставлялись другим. И те, и другие одинаково нужны для достижения целей государства. Таким образом, военное право есть только общее название норм, издаваемых для армии. Между общим и военным правом существует полное взаимодействие в достижении государственных целей.

Поэтому и считаю, что нормы военно-судебного права могут быть помещены в общем кодексе, важно лишь, чтобы они были собраны воедино.

Докладчик говорит, что в эксплуататорских государствах военно-судебное право отделено от общего судебного права. Это не совсем верно. В эксплуататорских государствах со времени французской буржуазной революции красной нитью проводится положение, что военно-судебное право должно быть согласовано с началами общего судебного права. Это проводится всюду, но в различной степени.

У нас председателем военного трибунала является военный юрист, а заседателями — отдельные граждане. А во Франции председателем военного трибунала является гражданский судья, а заседателями — военные чины. Такой состав суда, казалось бы, более правилен с точки зрения обще-судебных правовых норм. Но для нас такой суд с гражданским председателем и военными членами суда, не юристами, неприемлем. Но главное различие между военными судами эксплуататорских государств и нашими военными трибуналами заключается, конечно, не в этом, а в том, что, например, французские военные трибуналы, которые по форме деятельности наиболее сближаются с общим правом, жестоко наказывают коммунистов, как преступников; наш же военный трибунал призван поддерживать порядок в армии именно в интересах социалистического государства, идущего к коммунизму. Профессор Голуцкий, допуская существование военного права, вопрос о выделении его в особую отрасль, если это вызывается практической необходимостью, ставит в зависимость от того, возможна ли создание Общей части военного права, начала которой являются бы более важными для выделяемой дисциплины, чем начала, являющиеся в общих частях других дисциплин. Такое решение вопроса не отвечает действительности, ибо законодатель, создавая или выделяя ту или другую отрасль права, исходя из того, имеется ли в этом практическая необходимость.

Касаясь вопроса о том, почему рассмотрение тех или иных дел передается военным судам, проф. Голуцкий приводит несколько отступлений, которые сделаны в этом отношении от общего права, и говорит, что это вызвано учетом особенностей деятельности органов военной юстиции.

Выходит, что учреждение военных судов зависит только от необходимости учета их особенностей. Ради этого, однако, едва ли стоило создавать военные трибуналы. Я нахожу, что едва ли целесообразно объединить преподавание общего уголовного процесса с военно-уголовным процессом. Военно-судебное право имеет свои особенности и представляет для преподавателя сложный предмет. Поэтому, при соединении общего судебного и военно-судебного права в один предмет одно из них неизбежно пострадает. Мне думается, что не необходимо делать, но не в том смысле, чтобы окончательно разъединить. Это было бы неправильно, так как они связаны между собой. Слушатели должны пройти курс общего уголовного процесса, и когда они пройдут его основательно, сдадут этот предмет, на следующий год они будут слушать военно-судебное право. При этом преподавание этого предмета надо поручать лицу, которое помимо юридического образования имеет командный стаж, состоит на действительной военной службе и подчиняется военной дисциплине и порядку, одним словом, поручать преподавание военно-судебного права юристу, хорошо подготовленному теоретически и практически.

Академик А. Я. Вышинский в начале своего выступления заявляет, что он не согласен с основными положениями докладчика, ибо является противником не только самостоятельного существования военно-уголовного права, но и выделения отдельных проблем в особую, хотя бы и не самостоятельную, дисциплину под особым названием военно-судебного права или военно-уголовного права.

Самостоятельное существование военного права, указывает тов. Вышинский, обуславливается не положением армии в государстве, а характером государства, объясняется классовым строем этого государства. А в классовом обществе, покоящемся на антагонизме классов, не может не быть специально построенного военного права, которое учитывает классовый антагонизм в армии между народом, одетым в солдатские шинели с одной стороны, и офицерским меньшинством — офицерством с другой.

Тов. Вышинский отмечает правильную линию в докладе тов. Голуцкого, когда он отвергает тенденцию самостоятельного существования военно-судебного права. Но тов. Голуцкий не доводит своей линии до конца, признавая все же военно-судебное право „подотраслью“ права.

Надо отказаться от самого термина „военно-судебное право“. Есть одно судебное право, советское судебное право.

По докладу тов. Чхиквадзе критические замечания тов. Вышинского вызвали указания на развитие „уголовно-правовых отношений Красной Армии“. Такая терминология неверна, так как: во-первых, не обязательно, чтобы в Красной Армии были уголовно-правовые отношения, т. е. отношения, возникающие на основе совершения преступления;

во-вторых, не обязательно, если таковые и возникают, чтобы они развивались;

в-третьих, не обязательно то, что имеет в виду докладчик, говоря об уголовно-правовых отношениях, называть уголовно-правовыми

отношениями в Красной Армии, тем более, что мы в данном случае имеем в виду преступления. Преступления — это, конечно, известная форма общественных отношений, но ведь это вовсе не те общественные отношения, которые действительно развиваются, которые строятся, которые вырастают, потому что это не есть органическое свойство нашего общества. Тов. Вышинский подвергает критике ряд положений доклада.

Тов. Вышинский считает, что нет никаких специфических особенностей, которые требовали бы создания общей части военно-уголовного права. Однако это не значит, что нет вообще никаких особенностей в формах, регулирующих борьбу с преступностью в армии и востях в формах, регулирующих борьбу с преступностью в этой области, напротив армии. Это значит только, что, работая в этой области, изучая отношения к ней вопросы, необходимо углублять и расширять ее работу, но не обособлять и, тем более, не противопоставлять ее работе в области всего советского права в целом. Отмеченные в докладах т. Голунского и Чхиквадзе недостатки не мешают, однако, заявить в заключительной части своей речи тов. Вышинский, издать должное товарищам, которые потратили много труда, смело поставили ряд вопросов.

Партия учит нас смело ставить вопросы и не бояться острой постановки вопросов. Некоторые возможные ошибочные суждения мы коллективно исправим, нужные исправления внесем. Но самую постановку этих вопросов, даже и не лишнюю некоторых недостатков, самый факт таких докладов на теоретической конференции нужно приветствовать.

Тов. Цирульников признает особое значение сделанных докладов в том, что ими подняты принципиально важные вопросы, до сих пор не ставившиеся ни в литературе, ни в отдельных теоретических работах. Доклады стимулируют расширение исследовательской работы по затронутым ими вопросам.

Тов. Цирульников не соглашается с утверждением тов. Вышинского о том, что не стоит говорить, как о самостоятельных, о вопросах военно-уголовного или военно-судебного права. Наоборот, именно сейчас есть некоторые вопросы, которые требуют уточнения, и мы не только имеем право, но и обязаны пытаться найти правильное их решение.

Не совсем правильным находит тов. Цирульников и возражение тов. Вышинского против тезиса проф. Голунского о введении в УПК отдельной главы, посвященной работе трибуналов. Поскольку существует специальное Положение о военных преступлениях, для борьбы с которыми признаются как военные трибуналы, так и органы военной прокуратуры, ничего порочного не было бы во введении в УПК такой главы, которая приведет в систему все положения и особенности, имеющиеся в работе органов военной прокуратуры, военных следователей и военного трибунала. Ведь существует же отдельное Положение о военной прокуратуре и военных трибуналах, которое в разнотиме Закона о судостроительстве регламентирует работу этих органов.

Неосновательно в выражении отдельных товарищей, что в эту главу ничего будет вписывать, так как имеется ряд специальных особенностей в работе органов военной прокуратуры и военных трибуналов, хорошо известных практическим работникам и которые дадут содержание такой специальной главе УПК.

Тов. Вышинский очень остро и метко критикует авторов тезисов, в частности т. Чхиквадзе, по вопросу об особенностях в приме-

нении Общей части уголовного права к военским преступлениям. Но ведь такие же положения содержит и раздел „Военские преступления“ в учебнике уголовного права, который вышел в 1939 г. и был апробирован таким авторитетным учреждением, как ВЮИИ. Почему же эти положения раньше не подвергались критике и не были вовремя исправлены?

Тов. Чхиквадзе выдвинул, в частности, положение о том, что необходимо исключить из ст. 48 УК в применении к военским преступлениям, как смягчающее обстоятельство, совершение преступления в первый раз. Среди авторитетных работников уголовного права очень давно трактуется вопрос относительно необходимости такого изменения ст. 48 УК. Поэтому нет ничего плохого в постановке этого вопроса т. Чхиквадзе, т. к., если в Общей части уголовного права указанное положение считается излишним, его следует исключить и в отношении военных преступлений.

Ни т. Голунский, ни т. Чхиквадзе в своих докладах не ставили вопроса о том, что военно-судебное право должно быть самостоятельной отраслью права, и оба докладчика совершенно правильно считают, что если допустить существование такой дисциплины, то это возможно только в пределах общего права или обще-судебного права.

Больше того, докладчики ставили вопрос так, что только при наличии достаточного материала для признания необходимости существования такой отдельной отрасли права, как военное, можно будет доказать и необходимость существования его отраслей: военно-уголовного и военно-судебного права, но опять-таки не в качестве самостоятельных отраслей, а как часть военного права. В такой постановке вопроса нельзя усмотреть попытки протянуть какую-то самостоятельность военного права.

Наконец, последнее положение, из котором я хотел остановиться.

Я считаю, что изложение вопроса о военных преступлениях вне всякого сомнения нужно давать с учетом тех особенностей военных преступлений, которые они имеют по сравнению с общими преступлениями. Нужно показать, что военные преступления являются не разнотимыми, а изживающим себя явлением. Надо показать и те условия, при которых они еще совершаются, для того, чтобы способствовать их скорейшей ликвидации. Поэтому, при изложении учения о военных преступлениях, необходимо рассказать о Красной Армии и о военной дисциплине, которая нарушается этими преступлениями. Такая постановка вопроса делает его значительно шире и она должна быть признана правильной.

Проф. Строгович. До сих пор вопросы о военно-судебном и военно-уголовном праве у нас не ставились. Из этого вытекает ответ на вопрос, который поставил т. Цирульников: почему, когда вышел учебник по уголовному праву, то в части о военных преступлениях никто его не раскритиковал, никто не нашел в нем существенных дефектов, а когда докладчики высказали некоторые мысли, согласные с высказанными в учебнике, они подверглись критике. Это объясняется именно тем, что работники теоретического правового фронта не разрабатывали этих вопросов. Докладчики впервые поставили их и им приходится принять на себя всю тяжесть критики за выставленные ими тезисы. Но вряд ли докладчики нуждаются в защите, дело не в защите, а в том, чтобы разобраться в этом очень существенном вопросе и найти правильное его решение.

права, и как раз приведенные мною фактические материалы доказывают это.

Я не могу согласиться с выступлением академика тов. Вышинского о том, что вообще нельзя применять терминов: „военно-судебное право“, „военно-уголовное право“ и в целом „военное право“. Наше военное право ни в какой степени не расходится с нашим общим советским социалистическим правом, строится на тех же са-общидах принципах, является его неразрывной частью. Так почему же мы мысл принципах, является его неразрывной частью. Так почему же мы не можем назвать в тех же словах „Предмет и система военно-судебного права“? Здесь говорили, что это—часть общего судебного права. Конечно, это так. Это—часть, которая строится на тех же самых принципах, как и все наше советское социалистическое право, но все-таки она существует. Назовите ее как угодно по-другому, но она трактуется о военно-судебных вопросах. То же самое можно сказать о военно-уголовном праве. Ведь у нас имеется ряд норм, законоположений, которые охватывают быт, правовое положение армии, военнослужащего. Она ведь существует. Как же это назвать? Это и есть военное право, и не случайно в постановлении СНК об организации нашей Академии сказано, что она организуется для того, чтобы, во-первых, подготавливать высококвалифицированные кадры военно-юридических работников, во-вторых, для того, чтобы вести научную разработку вопросов военного права.

Докладчики и тов. Вышинский правильно говорили, что мы должны изучать военно-судебное и военно-уголовное право не в отрыве от общего судебного права или от общего уголовного права. Военно-судебное и военно-уголовное право должно быть неразрывной частью общего права, но оно имеет полное право на специальный раздел в будущих учебниках по уголовному и судебному праву.

Тезис т. Чикивадзе, поддержанный т. Цирульниками, о том, что в систему военно-уголовного права должно войти учение о Красной Армии, по меньшей мере несерьезен. Учение о Красной Армии гораздо шире, чем военно-уголовное право. Если хотите, военно-уголовное право является очень маленькой частью учения о Красной Армии, т. е. учения о вооруженных силах пролетарской диктатуры, об их организационном строении, о стратегических взглядах, о правовом положении военнослужащего и т. п., учения, включающего законы, правовые нормы, которыми регламентируется жизнь, быт, учеба Красной Армии. Следовательно, указанное положение доклада т. Чикивадзе является ошибочным.

Проф. Аржанов. Тов. Голунский уделил много внимания вопросу о специфических общественных отношениях, намереваясь подвести под свою конструкцию твердое, принципиальное основание. Но его попытка мне представляется совершенно неудавшейся. Те положения, которые он выдвинул, с моей точки зрения, являются принципиально ошибочными и уже потому практической пригодности, практической ценности не имеют.

Тов. Голунский хотел обосновать теоретическую невозможность и недопустимость образования отдельной отрасли военного права в системе советского права. Сначала он аргументирует невозможность, недопустимость и необоснованность такой отрасли права, а дальше говорит, что по практическим соображениям существование такого права возможно. Мне это совершенно непонятно. Если теоретически, принципиально это исключается, то непонятно, каким образом практика может опрокинуть этот принцип.

Тов. Голунский выдвигает принципиальное положение в отношении всех эксплуататорских государств — принцип несоответствия дисциплины воинской дисциплине гражданской. Он говорит, что в эксплуататорских государствах воинская дисциплина покоится на иных основаниях, чем дисциплина, на которой строится гражданское общество, и утверждает, что так обстоит дело во всех эксплуататорских государствах.

Выдвигается принцип, что в каждом эксплуататорском государстве дисциплина армии строится на иных началах, чем дисциплина в обществе.

Даже не имея конкретного исторического материала, которого можно набрать множество, достаточно сказать, что это положение противоречит нашему учению о том, что государственная надстройка определяется соответствующей экономической базой, противоречит нашему учению о социально-экономической формации. Тов. Голунский, который это положение отлично знает, в данном случае его забыл. Я склонен объяснить это тем, чем объяснил т. Шур другую ошибку т. Чикивадзе—легкомысленным отношением к вопросу о соотношении дисциплины в армии и дисциплины в обществе.

Пытался узнать, чем аргументирует т. Голунский это свое положение, мы находим только одно указание относительно феодальных пережитков в буржуазной армии. Тогда у меня возникает такой вопрос: если каждое эксплуататорское общество имеет армию, построенную на отличной от всех других общественных начал данного общества дисциплине, то откуда эти „начала“ берутся? Тов. Голунский здесь дает ответ только на вопрос о началах дисциплины в буржуазной армии, говоря, что эти начала идут от феодального общества. Ну, а дисциплина феодальной армии? Либо она строится на тех же началах и тогда отпадает тезис о несоответствии, либо она берется из другой формации, очевидно, из предшествующей, т. е. из рабовладельческой. Допустим, что это так. Но тогда тот же вопрос станет и о рабовладельческом обществе. Очевидно, начало дисциплины для своей армии оно тоже должно взять из предшествующей формации, т. е. из доклассового общества? Мы здесь приходим к явному абсурду.

Возникает вопрос, откуда же берется „закономерность“, в силу которой в эксплуататорском обществе армия выступает в отношении принципов своей дисциплины в противоречие с общественным строем? Я думаю, что с точки зрения теоретической, методологической эта „закономерность“ совершенно неправильна, неприемлема.

Что означает дисциплина палки, как феодализм дисциплина, а дисциплина голода, как буржуазная дисциплина? Тов. Голунский смешивает здесь разные понятия. Когда Ленин говорит относительно крестьянской дисциплины палки и дисциплины голода в буржуазном обществе, он имеет в виду производственную, трудовую дисциплину в связи с определенным способом эксплуатации, с определенным способом производственных отношений. Там—крепостничество, внеэкономическое принуждение, кулачное право, грубое насилие, наемное рабство, дисциплина голода при формальном равенстве.

Но ведь здесь речь идет о двух типах дисциплины, о двух социально-экономических формациях. Тов. Голунский в своем докладе отметил, что дисциплина палки имеет место не только в феодальном, но и в буржуазном государстве. Это, конечно, так. Ведь что такое „гражданская дисциплина“? Это дисциплина не только в экономических отношениях, в отношении капиталиста и рабочего, это также

дисциплины политическая, дисциплина, которая насаждается при помощи палки, при помощи тюрьмы. Это есть та же самая дисциплина палки, отсюда ее феодальный характер. Каждое эксплуататорское государство применяет также дисциплину палки. Поэтому здесь произошло смешение двух разных понятий.

Наконец, если уже применять такое смешение принципов, то можно прийти к такому парадоксу, что в феодальной армии обнаруживаются элементы буржуазной гражданской дисциплины, потому что феодальная армия в основном — земная армия, то есть армия, строящаяся на началах дисциплины голода.

Неправильно считать, будто бы от феодальной армии идут исключительно строгие, исключительные жестокие, драконовские нормы военной дисциплины. Я могу сослаться в данном случае на статью Энгельса „Армия“.

Энгельс говорит: „Феодальная система, будучи по самому своему происхождению военной организацией, тем не менее по существу была враждебна всякой дисциплине“.

Это, на первый взгляд, как будто парадоксально, тем не менее это так. Энгельс говорит далее: „Обычным явлением были восстания и отлагания крупных вассалов, с их вооруженными силами“. Вот своеобразные состояния дисциплины, при котором отпадает такое преступление как дезертирство: ты ушел из данной части, перешел в другую и это не является дезертирством.

Еще дальше Энгельс говорит: „Отдача приказа военачальником превращалась обычно в шумный военный совет, который делал невозможным какую бы то ни было широкую операцию“. Вот характеристика, далеко не совпадающая с той, которая вытекает из представления т. Голуевского, считающего, что крепкая дисциплина как будто бы идет от феодализма.

Вопрос не в том, что буржуазное общество и государство не может создать по своему социальному образу и подобию, по своим организационным, милитаристским, бюрократическим, антинародным принципам, своим собственным принципам, дисциплину в армии. Это неправда.

Более важно другое отличие: буржуазная армия отличается от другой эксплуататорской армии антагонизмом между верхушкой, офицерством, и массой рабочих, одетых в шинели. Отсюда и воинские преступления в этой армии обычно носят ярко выраженный классовый характер в отличие от преступлений и „уголовно-правовых отношений“ в феодальной армии, где, например, грабеж — обычное явление, мародерство — почти узаконено.

Из этого и нужно исходить. Надо еще раз прочитать замечательные слова товарища Сталина об особенностях нашей Красной Армии в о протавоположности ее буржуазной армии и мы увидим, как характеризуются дисциплина буржуазной армии.

Те же т. Голуевского неверен еще и потому, что по нему выходит так, что с буржуазного общества как бы снимается ответственность за капиталистическую дисциплину, т. е. получается впечатление, что все это происходит не от капитализма, а от феодализма. Помимо желаний т. Голуевского происходит приукрашивание, приукрашивание буржуазных общественных отношений.

В конце концов, что такое даже буржуазная „гражданская дисциплина“, в особенности в последнее время, при милитаризации всей общественной жизни, милитаризации суда, в частности гражданского?

С этой стороны между дисциплиной армейской и дисциплиной общественной отнюдь нет больших различий.

В те же есть и еще одна неприятная тенденция — недооценка дисциплины нашей армии. Тов. Голуевский говорит о тождестве нашей воинской и общественной дисциплины. Но в этом же положении, с одной стороны, содержится недооценка специфической воинской дисциплины, которой нельзя ни в коем случае унизить, а тем более ослабить, а с другой стороны, если в наших общественных организациях та же самая дисциплина, что и в воинских органах, то выходит, что у нас в общественных организациях существует воинская дисциплина. Это не так. Социальная природа этой дисциплины та же самая, но тут имеется своя специфика. Дисциплина моногенна однородна по своему классовому содержанию, но она не одинакова всюду, в том числе и у нас.

Из всего этого следует, что принципиальное положение, выдвинутое докладчиком, будучи неправильным теоретически, методологически не может дать нам подхода к правильному решению вопроса. Нужно отбросить искусственные, схематические рассуждения и подойти к вопросу иначе.

Как мы вообще вырабатываем основы для той или иной отрасли права, будь это колхозное или, скажем, воздушное право? Если бы у нас не было бы и колхозного права, если бы у нас не было самолетов и определенных отношений в связи с этим, то не было бы и воздушного кодекса.

Поэтому надо исходить из наличия определенных конкретных отношений, из целесообразности такой систематизации норм, такой их группировки, в целях усовершенствования законодательства и лучшего их изучения, которая дала бы, в конечном счете, усиление данной области нашего социалистического строительства, данного общественного организма, в данном случае — Красной Армии. Поэтому я и не согласен с тем, что могут быть какие-то припадательные возражения против военного права, как отдельной области права. Мы не можем категорически возражать против выделения такой области, а будем рассматривать ее в системе всех других отраслей права. Можно и должно создавать, если это практически необходимо и целесообразно, новые отдельные отрасли социалистического права.

Нельзя также сводить все дело только к воинской дисциплине. Преступления, которые совершают всякие мародеры, диверсанты, шпионы, провокаторы, распускающие панические слухи, т. е. люди, которые не имеют никакого отношения к армии и к дисциплине, будут предметом военного права, хотя здесь идет речь не о дисциплине.

Я даже склонен думать, что центр тяжести вопроса не столько в том, чтобы укрепить мощь Красной Армии при помощи мер нашей военной юстиции, а в том, что в условиях, когда наша армия направлена целиком во вне, военно-судебное и военно-уголовное право будет направлено не столько на применение мер воздействия против нарушителей дисциплины, сколько на подавление всякого рода диверсантов, шпионов, мародеров и прочих.

Поэтому мне представляется правильной такая установка: надо изучать самую материю, самое законодательство, группировать его чутко и внимательно и это послужит на пользу дела.

У нас есть принцип социалистического федерализма. И не обязательно, чтобы все отрасли права были на правах „союзных республик“. Они могут быть в качестве автономных областей в пределах данной автономной или союзной республики. Важно только то, чтобы

такая группировка правового материала дала возможность лучше его изучать, лучше применять, совершенствовать наше законодательство и достичь, в конечном счете, лучшего эффекта в укреплении мощи Красной Армии и всей обороны нашей страны.

Тов. Коалов призывает совершенно убедительными доказательствами, приведенными тов. Вишинским и подтвержденные того, что военно-судебное, военно-уголовное право не может рассчитывать на самостоятельное существование.

Тов. Коалов, останавливаясь на особенностях подготовки военного юриста, находит, что основное отличие военного юриста от гражданского должно заключаться в совершенном знании задач, условий бытия в жизни Красной Армии. Только имея военные знания, только акты и жизни Красной Армии, можно действительно принести пользу в деле укрепления обороноспособности Советского Союза и можно работать вместе с армией над разрешением задачи — добиться победы малой кровью.

Далее т. Коалов определяет особенности, которые должны быть учитываемы при применении судебного права в условиях армии.

Первая особенность — необходимость ограждения авторитета командира. Если критика по отношению к руководителю гражданского его авторитет не только не подрывает, но поднимает, то по отношению к командиру такая критика, которая хоть в малейшей степени зародит в сознании подчиненного недоверие к командиру, не может быть полезна для командира. Мы знаем, что очень редки случаи, когда командир, оправданный по суду, может с действительной пользой возвратиться на свою старую должность.

Вторая особенность в том, что если в неуспехе работы руководителя гражданского можно очень часто и довольно основательно предположить его халатность или злую волю, то в неуспехе боя и военной трибуналы и военная прокуратура могут предполагать халатность или злую волю начальника лишь с большой осторожностью, потому что успех боя зависит не только от хорошей его подготовки, но только от правильного решения. А в этом вопросе может разобратись конечно только прокурор и трибунал, хорошо знающие условия боя.

Третья особенность в том, что если неполучение или несвоевременное получение указаний гражданским руководителем зачастую освобождает его от уголовной ответственности, то для командира, для военнослужащего это почти во всех случаях не служит смягчающим вину обстоятельством. Боевой устав пехоты прямо говорит, что неполучение или отсутствие указаний не освобождает от обязанности правильно решить.

Я обращаю внимание на эти особенности не потому, что они противостоят в каком-нибудь отношении общему советскому праву, а только потому, что фиксируются внимание на них, а не на тех особенностях, которые приводятся в докладах, принесет пользу, будет служить делу укрепления оборон Советского Союза.

Для жившего быт армии кажутся странными такие выражения типа как „преступления, возникающие благодаря специфическим условиям армейской жизни“, и совершенно неоправданы такие слова как „уголовно-правовые отношения в Красной Армии“.

Я знаю многие войсковые части, которые годами совершенно не вели судебных дел. Знаю целые войсковые коллективы, включающие более 50 тысяч человек, которые в течение полугода имеют

два, два с половиной десятка судебных дел. Скажите, какое „большое“ поле для применения уголовно-правовых положений для прокуроров и трибуналов!

Красная Армия является школой не только военного обучения, но и большой школой перевоспитания человека. И в этой работе — основное поле деятельности военного юриста, а эту работу, несомненно, можно проводить, только зная жизнь Красной Армии, зная ее основы и военное дело в совершенстве.

Поэтому основной упор в построении программы и курсов должен быть сделан на подготовку военного юриста, умеющего обобщить положения советского права применить в своей работе в РККА во исполнение общей задачи укрепления обороноспособности страны, достижения армией победы малой кровью. А это может сделать военный юрист, который хорошо знает военное дело, и в Военно-юридической академии мы должны готовить таких именно юристов.

Тов. Розенблит. Независимо от того, какое будет принято решение назвать ли ту систему дисциплины, о которой идет речь, отраслью или подотраслью, отделом или подотделом, частью или подчастью, важно, что дело сдвинуто с мертвой точки, что, наконец, полным голосом заговорили о тех проблемах, которые несомненно имеют громадное значение для практической работы военно-юридических органов. Те, кто в течение многих лет на всякие лады кричали о том, что нет никакого военного права, или утверждали, что нет никаких проблем, связанных с деятельностью военно-юридических органов, палец о палец не ударил для разработки основных и важнейших вопросов, без разрешения которых мы работать не можем. Ведь не случайно, что ни в одном почти из комментариев к Уголовному кодексу мы не имеем раздела о воинских преступлениях. Большинство комментаторов стыдливо обходило этот раздел, либо совсем не помещая его в своих трудах, либо давая в виде голого перечня статей Положения о воинских преступлениях.

Можно привести большое перечне таких практических проблем. Приведу в качестве иллюстрации такие, как вопрос о пределах необходимой обороны в армии, который для нас имеет исключительно большое значение в связи с делами об убийствах в караулах, или вопрос о военном приказе, приказании, как исполняющем уголовную ответственность исполнители.

Не разработан очень важный практический вопрос о квалификации действий военных водителей автомашин за аварии и катастрофы — рядовые шоферы привлекаются к ответственности по ст. 193—17 УК, хотя и не являются лицами вачастова.

В большинстве выступлений на настоящей конференции чувствовался некоторый отрыв теории от практики.

Это объясняется тем, что большинство товарищей, работающих в ВЮА, в известной мере оторвано от нашей военно-юридической практики. А трудно работать над проблемами военно-уголовного права, над вопросами военно-судебного права, когда сам практически не знаешь запросов и нужд, которые волнуют работников военно-юридических органов.

Только незнанием практики можно объяснить указания т. Чехи-падзе, как на „особенность“ военно-уголовного права, на то, что в ряде военных преступлений не учитывается совершение преступления впервые. Откуда это взято, не знаю, не знаю, откуда взято и то, что не смягчает ответственности наличие угроз или принуждения

в отношении совершенного преступления. Практика показывает, что это всегда учитывается и нашими военно-юридическими органами.

Только незнанием практики можно объяснить ошибку проф. Абрамовича-Барановского, который указал, что будто бы в военном суде участвуют гражданские заседатели. Временные члены военного трибунала назначаются только из военнослужащих. Надо полагать, что и в будущем народные заседатели военных трибуналов будут выбираться также только из военнослужащих.

Только незнанием и незнанием практики можно объяснить то, что т. Чхиквадзе выделил в особую проблему военно-уголовного права вопрос о подсудности военнослужащих советских войск за границей, тогда как на самом деле тут никакой проблемы военно-уголовного права нет.

Нам нужно будет выдвинуть одно практическое мероприятие. Целесообразно, чтобы командование Академии поставило где нужно вопрос о том, чтобы послать ряд своих кадровых научных работников и преподавателей на стажировку в органы военной прокуратуры и военного трибунала.

Для каждого из товарищей, работающих в области теории военного права, будет полезно пропустить через свои руки одну—другую сотню дел по воинским преступлениям.

А. Я. Вышинский подверг критике тезис С. А. Голунского о том, что от четкой и правильной работы военно-юридических органов в значительной степени зависит успех боевых действий армии и флота.

Смешно, конечно, утверждать, что если военная прокуратура и военные трибуналы будут хорошо работать в боевой обстановке, то одно это может обеспечить Красной Армии победу над противником. Но не так вовсе ставится этот вопрос. Мы знаем по опыту нашей работы на ряде фронтов и гражданской войны и военных действий последних лет, что одним из первостепенных факторов победы является высокое политико-моральное состояние войск. В деле же укрепления политико-морального состояния войск решающее значение имеет партийное руководство воспитанием Красной Армии, но не последнее место занимает также и правильная работа военно-юридических органов. Тут имеется в виду не только карательная политика военных трибуналов, но и та огромная работа по предупреждению преступлений, которая прodelывается и прodelывается на фронтах органами военной прокуратуры. Тов. Вышинский с этой трибуны утверждал, что деятельность работников военной юстиции на фронте была отмечена правительством не в результате их прокурорской и трибунальской работы, а они были награждены за то, что подменяли командиров, становились во главе войск, выводили равных и т. д. Тов. Вышинский утверждал, что в этих случаях нашим товарищам прокурорские обязанности только мешали. Такая постановка вопроса противоречит фактам. У нас имеется ряд конкретных примеров, которые свидетельствуют о том, что наши прокуроры, трибуналы и военные следователи проявили себя истинными помощниками командования в деле повышения боевой готовности частей именно как военные прокуроры, как военно-судебные работники, как военные следователи.

Тов. Камонский, касаясь предмета и системы военно-уголовного права и возражая докладчику т. Чхиквадзе, считает, что в содержание курса не должно входить ни учение о Красной Армии, ни учение о воинской дисциплине.

Сам т. Чхиквадзе не считает меры уголовной репрессии главным средством укрепления дисциплины. Это совершенно правильное положение и должно быть положено в основу при конструировании содержания военно-уголовного законодательства или права.

Повитие „воинская дисциплина“, как трактует его временный Дисциплинарный устав Красной Армии, раскрыто в следующих словах: воинская дисциплина состоит в точном соблюдении порядка, установленного законами и уставами и поддерживаемого распоряжениями и приказами начальства. Устав не говорит, что дисциплина поддерживается мерами уголовной репрессии. Если рассматривать дисциплину, как особый вид педагогической системы, направленной к воспитанию высокой сознательности бойца Красной Армии, то в качестве средства и методов воспитания Уставом предусмотрено система мер поощрения, личный пример начальника, дисциплинарное воздействие на нерадивых военнослужащих.

Поэтому совершенно правлен тезис, что меры уголовной репрессии являются хотя и весьма важным, но не основным средством укрепления морально-политического состояния Красной Армии.

Поэтому учение о воинской дисциплине следует отнести к более подходящему курсу, и мне представляется, что таким курсом должно быть военно-административное право.

Несколько слов относительно одного неудачного тезиса и даже не столько тезиса, сколько о весьма неудачной его формулировке.

„Красная Армия является исключительно сложной в своей организации и внутреннему содержанию формой соединения людей, существенно отличной от других организаций советского государства“.

Нельзя признавать Красную Армию „формой“ соединения людей. Допустив такую формулировку, мы отступим от общепринятых, установленных у нас взглядов на Красную Армию, которые в выступлении товарища Сталина на заседании Московского Совета по поводу десятилетия Октябрьской революции были изложены с предельной ясностью. Это противоречит и марксистско-ленинскому учению о вооруженных силах и об армии.

Совершенно неправильным является и слово „существенно“, которое может неправильно ориентировать тех, кто читает этот тезис, т. к. нельзя говорить, что мы здесь имеем существенные отличия от других организаций советского государства.

Тов. Рахлин. Если не касаться некоторых неточностей и прямо ошибочных положений, которые имеются в докладах, в них можно отметить два основных тезиса, которые заслуживают серьезного обсуждения.

Первый тезис — что военное право является неразрывной составной частью общего права нашей страны. С этим тезисом мы все здесь согласны, никаких споров и недоумений он не вызвал и очень отчетливо выражен и у т. Голунского и у т. Чхиквадзе.

Разногласия начинаются с того момента, когда мы подходим ко второму тезису о том, должно ли существовать в качестве самостоятельных разделов соответствующих правовых дисциплин военно-уголовное, военно-судебное, военно-административное право.

Я, как и т. Розенблюм, позволю себе ответить на этот вопрос, отпавляясь не от теории, а от практики.

Если мы проследим законодательство по вопросам военно-судебного, военно-уголовного и военно-административного права, то заметим,

что все время наблюдалась тенденция к обособлению, к кодификации норм военного права. Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре 1926 г., в котором имеются нормы судостроительства и процессуальные нормы, отражает своеобразные условия работы суда в Красной Армии от общей судебной системы.

В системе нашего военно-уголовного законодательства мы также видим специфические особенности, ярко выраженные в отдельном, по существу самостоятельном, кодексе — Положении о воинских преступлениях.

В административном законодательстве мы тоже имеем особенности, отличающие военно-административное законодательство от общего: законы о всеобщей воинской обязанности, о льготах для военнослужащих и т. д. — типичные нормы военного права.

Но когда мы даем общий обзор нашего военно-законодательного материала, мы находим в нем известные недостатки, заключающиеся в том, что наше законодательство отражает далеко не все особенности работы суда и прокуратуры Красной Армии.

Работники военной юстиции очень остро испытывают на себе этот недостаток. Ведь они работают в очень своеобразных условиях, в условиях, отличных от гражданских.

Представьте себе положение следователя гражданской прокуратуры, вернувшегося в военную прокуратуру. Он должен ознакомиться со спецификой своей работы, с особенностями военно-уголовного, военно-административного, военно-судебного законодательства. Но когда он на практике хочет с этим ознакомиться, он должен искать законодательный материал в десятках разных мест и все-таки не найдет полностью всего, что ему надо, особенно в области военно-уголовного процесса и военно-административного законодательства. Поэтому сама жизнь требует выделения самостоятельных, исчерпывающих военно-правовых разделов в наших кодексах.

Еще худшее положение с военно-правовой литературой. Можно сказать, что этой литературы у нас нет. За многие годы у нас нет даже комментариев к Положению о воинских преступлениях, так как то, что имеется, либо совершенно устарело, либо негодно. Невозможно найти ни одного учебника, ни одной книжки, в которой специфическая деятельность суда и прокуратуры в условиях Красной Армии была бы в той или иной форме выражена. Вот, скажем, такие вопросы, которые мне кажутся близки, как преподавателю специального раздела криминалистики, — вопросы методики расследования преступлений, совершаемых в Красной Армии. Нет ни одного литературного пособия, из которого военной следователь мог бы почерпнуть по этим вопросам какие-нибудь указания. Имеется только схематическая инструкция Главной военной прокуратуры и несколько ведомственных документов по отдельным проблемам. Что же, мы будем распылать эти вопросы по главам общей криминалистики? Конечно нет. Мы должны собрать всю специфику следствия в РККА и дать ее нашим работникам в компактном виде.

В этом заключается основа того военно-юридического образования, которое может и должна дать наша Академия.

Проф. А. Н. Трайнин. Тов. Чхиквадзе указал, что теоретики социалистического уголовного права слишком мало уделяли внимания проблеме военно-уголовного права. Это упрек глубоко справедливый. Нужно сказать больше. Нужно сказать, что т. Чхиквадзе часть своего доклада ранее оглашал перед работниками — теоретиками

социалистического уголовного права. Поэтому та критика, которой он основательно подвергся, и значительная степень была сокращена, если бы т. Чхиквадзе своевременно услышал надлежащую критику. В борьбе с воинскими преступлениями имеются бесспорно огромной важности специфические черты. Но т. Чхиквадзе в недавнем докладе в Институте права, начал с положения о том, что военно-уголовное право представляет собой автономный отдел общеуголовного права, в докладе на конференции эту автономию развил чрезвычайно широко и агрессивно.

Тов. Голуцкий в своем докладе выдвинул тезис: решение вопроса о том, вызывает ли практическую необходимость выделение военного права в отдельную отрасль социалистического права, зависит от возможности создать общую часть этой отрасли права. И т. Голуцкий совершенно справедливо решает вопрос применительно к судебному праву отрицательно; т. Чхиквадзе применительно к военно-уголовному праву решает этот вопрос положительно, считая возможным создание общей части, а следовательно, в отдельной отрасли социалистического права — военно-уголовного права. Благодаря этому получилась и словесная разница: т. Чхиквадзе говорит, что это есть отрасль, а т. Голуцкий — что это есть подотрасль уголовного права.

В военно-уголовном законодательстве имеется много специфических черт, особенностей огромной важности, которые требуют тщательного и полного учета.

В части материально-уголовного права мы имеем Положение о воинских преступлениях. Но беда не только в том, что этот закон плохо и мало комментировался, но и в том, что вообще нет надлежащей разработки общего теоретического учения о воинских преступлениях. Чтобы надлежащим образом, в условиях социалистического государства, в условиях Красной Армии, построить борьбу с этими преступлениями, необходимо развернутое общее учение о них. В общее учение должны быть включены: историческая часть, составленные законодательства в капиталистических странах, понятие воинского преступления и дисциплинарного проступка, учение о субъекте воинских преступлений, поскольку для этих преступлений субъект чрезвычайно специфичен, учение об особенностях Общей части применительно к воинским преступлениям.

Тов. Ромазан. Спорные и недоуменные вопросы возникли здесь только по той простой причине, что вопросы военного права никогда и никем у нас не разрабатывались. Мне кажется, что товарищи в ряде вопросов спорят не по существу, а из-за названия.

Такой институт, как армия, в Советском Союзе будет существовать до тех пор, пока эта армия будет нужна, чтобы отразить любые попытки заново реставрировать капитализм в нашей стране. Наше социалистическое государство установило неизгладимый социалистический правопорядок. Право в нашей стране — не фикция, не мишура, а нормы, насыщенные действительным содержанием, отвечающие действительному положению вещей в стране. Поэтому и наша армия закреплена на неизгладимых правовых основах.

Есть определенные правовые нормы, являющиеся частью советского социалистического права, которые регулируют исключительно жизнь Красной Армии и Военно-Морского Флота, а раз это так, значит можно говорить и о военном праве.

Если мы признаем, что такой институт, как колхозы, регулируется отраслью социалистического советского гражданского права, армия

колоннам, если наше гражданское право имеет такую часть, как наследственное право, хотя можно спорить о том, является ли оно частью или подчастью гражданского права, то почему мы боимся признавать существование права военного, регулирующего деятельность Красной Армии и Военно-Морского Флота? Я думаю, что такой вид стигнет, как армия и флот, имевший колоссальное значение в нашей государственной системе, в конце концов завоюет себе „право“ на то, чтобы нормы, регулирующие его жизнь, были названы полнозвучно, чтобы нормы, регулирующие его жизнь, были названы полнозвучно, полным названием: „военное право“, которое охватит военно-уголовное, военно-административное, военно-судебное право.

Военное право рано или поздно завоюет себе право гражданства. Но только путем длительной, упорной и планомерной работы над вопросами военного права мы сможем в результате определить то место, которое это право должно занимать в общей системе советского социалистического права.

Во всяком случае сделано начало большого дела. Перед нами стоит колоссальная задача и для ее решения нужно привлечь как можно больше работников.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА ДОКЛАДЧИКОВ

Тов. Газарский. Я ограничусь тремя вопросами, которые считаю важнейшими из всех, подвергавшихся обсуждению.

Первый вопрос — о значении военной и общественной дисциплины в буржуазном обществе. Тов. Арапов считает, что мое утверждение, которое я продолжил отстаивать и сейчас, а именно, что в буржуазных странах пережитки феодализма сохраняются в гораздо большей степени, чем в других областях общественной жизни, якобы противоречит марксистско-ленинскому учению о формации.

Говоря о социально-экономических формациях и Маркс и Энгельс стояли не отрицали того, что в пределах данной формации, где основными остаются производственные отношения, свойственные данной формации, существуют как пережитки прошлой формации, так и зародки будущей, что в этой формации идет борьба между отмирающими элементами старого, которые цепляются за жизнь и не хотят уступить, и элементами нового, которые вытесняют старое и занимают его место. И вот в этих условиях цепляться за жизнь, утвердиться, спасти свое положение отмирающие элементы капитализма хватаются за самые первые ветви феодализма. Это имеет место во всех отраслях жизни буржуазного общества, но в армии проявляется в большей степени, чем где бы то ни было, именно потому, что армия — наиболее сильное оружие классового насилия.

Я также не отрицаю, что этот способ и, якобы, приращиваю капитализм. Если капитализм пользуется данными средствами средневековыми для того, чтобы охранять свои капиталы, то вряд ли можно рассматривать такое утверждение, как приращивание капитализма. Тов. Арапов прямо ссылается на книгу Энгельса об армии, где говорится, что хотя феодальная организация во своей природе и военная организация, но она чужда военной дисциплине. И, следовательно, она является непереносимой для дисциплины о том, что залочная дисциплина в буржуазной армии — это феодальная дисциплина, поскольку, по Энгельсу, при феодализме вообще никакой дисциплины не было.

Цитата, которую привел т. Арапов, относится к характеристике периода раннего феодализма, периода феодальной раздробленности.

А в той же книге, в части, которая посвящена периоду абсолютизма, например, эпохе Фридриха II, дается совсем другая характеристика воинской дисциплины этого периода.

Телесные наказания в общем уголовном праве в буржуазном обществе исчезают, а в армии сохраняются. Разве это не пережиток феодализма? В буржуазном обществе исчезают сословные различия между людьми и заменяются классовыми различиями, различиями по измышленному положению, в армии же отношения офицеров и солдатским массам соответствует всем признакам сословных различий. В общих судах буржуазного государства инквизиционный процесс заменяется смешанным процессом, в военных же судах он сохраняется во многих странах до конца XIX в., а отдельные его элементы — и до настоящего времени. Разве это не пережитки феодализма? Поэтому я считаю вполне возможным утверждать, что по своей классовой направленности, по классовым целям, которые преследует воинская дисциплина буржуазных армий, — это буржуазная дисциплина. Но тем же методом и средствами, которые применяются для поддержания воинской дисциплины, и при капитализме она в большинстве буржуазных стран сохраняет большое сходство с воинской дисциплиной эпохи позднего феодализма.

Второй вопрос — в какой мере возможность создания общей части той или иной отрасли права может служить критерием для выделения правовых норм в особую отрасль права. Тов. Вышинский говорил, что надо рассуждать наоборот: если мы выделим те или иные правовые нормы в особую отрасль права, тогда нужно создать для этой отрасли общую часть, если же не выделим, то не нужно создавать и общей части.

Чем вызывается необходимость объединения определенной группы правовых норм в особую отрасль права, какой признак поможет нам объединить нормы гражданского права, уголовного права и т. д.? Только тот, что у всех этих норм есть что-то общее, что это общее можно вывести за скобку и сформулировать в виде основных принципов и положений, одинаково обязательных для всех норм, которые входят в данную отрасль права. Если этого сделать нельзя, то нельзя и объединять такие нормы в одну отрасль права. А общая часть той или иной отрасли права, — не что иное, как совокупность общих принципов, общих положений, обязательных для всех правовых норм, входящих в данную отрасль права. Поэтому, утверждая, что критерием для возможности выделения группы правовых норм в особую отрасль права должна служить возможность создания общей части этой отрасли права, и другими словами говоря, что эти нормы можно объединить в особую отрасль, если есть такие принципы и положения, которые для всех этих норм являются обязательными.

Наконец, последний вопрос — есть ли особый специфика в деятельности военной юстиции? Если такой специфика нет, тогда естественно, зачем у нас существуют военные трибуналы, военная прокуратура, зачем нужна Военно-юридическая академия — пусть студенты обучаются в гражданских вузах и после окончания их идут работать в органы военной прокуратуры и в военные трибуналы. Если эта специфика есть, то она должна найти свое отражение в определенных правовых нормах, и эти правовые нормы должны найти себе место в системе данной отрасли права. А если это так, то встает вопрос, как же лучше сделать с точки зрения практической целесообразности?

И мне кажется, что с такой точки зрения следует объединить в одну главу уголовно-процессуального кодекса все те положения,

которые регулируют деятельность органов военной юстиции. Тов. Вышинский усматривает в этом выделении опасность отрыва этих норм от всего нашего процессуального права. Мне кажется, что такой опасности нет. Поскольку общая часть судебного права признается обязательной и для норм, регулирующих деятельность органов военной юстиции, то выделение этих норм в особую главу единого процессуального кодекса никак не может означать отрыва этих норм от общего судебного права.

Мы выделяем в особую главу нормы, регулирующие деятельность органов дознания, хотя эта деятельность составляет часть общего уголовного процесса и, бесспорно, подчиняется его основным руководящим принципам. Основанием для такого выделения является ряд особенностей деятельности органов дознания отличается рядом особенностей, что деятельностью органов следствия.

Поскольку мы признаем, что деятельность военной юстиции, подчиняется общим принципам процесса, в то же время отличается рядом специфических особенностей, в не вижу оснований, почему правовые нормы, в которых отражены эти особенности, не могут быть соединены в одну главу уголовно-процессуального кодекса. Это поможет усвоению этих норм и правильному их применению. Только поэтому, а не по какому-либо принципиальному соображению и в частности и не по продолжению на том, что процессуальные нормы, определяющие особенности деятельности органов военной юстиции, должны быть выделены в особую главу, которая так и может быть названа: «Особенности судопроизводства в органах военной юстиции». До тех пор, пока мы не решили общего вопроса о военном праве, мы не можем привести достаточно убедительной аргументации в пользу термина «военно-судебное право». Если мы докажем, что военное право может существовать, как особая отрасль советского социалистического права, только тогда мы с полным основанием сможем говорить и о военно-уголовном и военно-судебном праве.

Тов. Чакиндзе. Я не думаю отказываться от тех основных положений, которые выставил в своем докладе для обоснования существования советского военно-уголовного права, как отрасли советского уголовного права, и поэтому не согласен с возражениями гг. Вышинского и Строговича, которые отрицают существование военно-уголовного права как отрасли уголовного права.

Тов. Голунский в своем заключительном слове поставил вопрос таким образом: поскольку вопрос о военном праве не решен, то от разговоров о военно-судебном праве следует воздержаться, т. е. он отказался от всего того, что говорил в своем докладе о военно-судебном праве, как отрасли общего судебного права.

Я не боюсь говорить о военно-уголовном праве. Красная Армия существует, она возникла правовыми началами не менее, чем какая-либо другая организация. И, поскольку у нас имеется большой уголовно-законодательский материал, относящийся к Красной Армии, его следует обобщить, изучить, следует исследовать. Это и будет наукой о военно-уголовном праве.

Было много возражений относительно построения общей части курса военно-уголовного права. Я считаю, что в общей части курса военно-уголовного права должны быть отражены вопросы о Красной Армии — ее значении в социалистическом государстве, вопросы дисциплины. Нельзя излагать учебник военно-уголовного права, не говоря ни слова о Красной Армии и воинской дисциплине. Если не опреде-

лит основ воинской дисциплины, нельзя говорить и о ее нарушениях, нельзя говорить о воинских преступлениях, объектом которых является воинская дисциплина.

Весь вопрос в том, в какой форме это дать. Конечно, никто из нас не думает подменять курс «Основы марксизма-ленинизма», который включает в себя учение о Красной Армии, но мы думаем подчеркнуть все то, что имеет непосредственное отношение к военно-уголовному праву.

Меня обвинили в том, что я нашел очень много военной специфики в военно-уголовном праве. И утверждаю, что взаимодействие с практикой является причиной того, что мы находим очень мало особенностей при применении общей части уголовного права к военно-уголовному праву. Но это не дает права говорить о том, что таких особенностей нет. Нашей задачей является найти эти особенности, учесть их, изучить, разработать. Нужно, чтобы об этих особенностях знали все работники военной юстиции, все слушатели Военно-юридической академии. Только тогда профиль подготовки слушателей академии будет правильным.

Тов. Строгович выдвинул такой профиль военного юриста: военный юрист должен быть широко образованным человеком, более образованным, чем другие юристы, политически подготовленным, культурным. Но этого мало. Он, кроме всего, должен быть хорошим военным юристом. Вот поэтому наша академия и называется Военно-юридической академией, а не Правовой академией, не юридическим институтом.

Общий вывод: военно-уголовное право существует, о нем нужно говорить, его следует изучать, разрабатывать, оно является частью общего уголовного права, имеющей большую специфику и ряд особенностей. Задача нашей академии и работников теоретического фронта уголовного права состоит в том, чтобы надлежащим образом разработать вопросы военно-уголовного права и тем самым способствовать укреплению воинской дисциплины в Красной Армии.

Доклад Е. А. Коровина „Правовое положение военных атташе“

В курсах международного права, как западно-европейских, так и русских, вопрос о военных атташе, об их функциях и правах освещен чрезвычайно скудно. Даже очень распространенный курс Ф. Листа по этому вопросу говорит: права дипломата распространяются „на членов посольства, со включением военных и иных технических атташе“. В условиях современности ознакомление работников военной юстиции с функциями и правовым положением военных атташе представляется несомненным интересом, поскольку на различных участках современной международной арены они играют достаточно видную роль.

Я буду говорить исключительно о положении и деятельности иностранных атташе, т. е. атташе буржуазных государств, ибо я считаю, что между нашей советской дипломатией и дипломатией любого буржуазного государства имеются не только глубокие различия, но полярная противоположность, как и между Красной Армией и армией любого эксплуататорского государства. Поэтому и считая и антинаучным и бессмысленным какое бы то ни было сопоставление деятельности советского военного атташе и атташе любого буржуазного государства.

Актуальность данной темы определяется не только той военной обстановкой, в которой находится сейчас все человечество, но и полной неразработанностью вопроса в специальной литературе. На русском языке не только нет литературы по данному вопросу, но даже в Военной энциклопедии нет самого слова „военный атташе“. В иностранной литературе работы по этому вопросу можно перечислить по пальцам: монография Бовэ — капитана французской службы, мемуары адмирала Фарамонта и полковника Мотта — американского атташе. На немецком языке имеется сборник дипломатических казусов, часть которых посвящена атташе. Кроме всего, эти работы, к сожалению, не всегда ориентируют читателя, а часто его дезориентируют.

Полковник Мотт в своей книге „Двадцать лет военного атташе“ ставит вопрос — в чем состоит действительная работа военных атташе? — и отвечает, что на этот вопрос нельзя даже дать общего ответа. Так, оказывается, что в Южной Америке атташе существует для декорации, в некоторых других государствах — для представления перед командованием армии, в Швейцарии — для того, чтобы изучать милитарную систему швейцарской армии и хорошие качества швейцарских стрелков. Когда же Мотт доходит до своей родины (США), то он преподносит читателю такие, например, утверждения, что только одна страна в мире — США — не позволяет своим атташе приобретать чужие военные тайны за деньги. Как хорошо было бы, добав-

ляет мечтательно автор, если бы атташе других великих держав следовали этому примеру.

У других авторов, например, в ряде книг, связанных с подготовкой к первой империалистической войне, и в мемуарах, посвященных разведке и контрразведке (Ронге и другие аналогичные работы), мы встречаем самую противоположную оценку характера деятельности военных атташе. Прюде Фодере, один из немногих международников, говорит, что атташе — это „офицер, заблудившийся в дебрях дипломатии“, а Марсель Самба, небезызвестный французский социал-демократ, во время процесса Дрейфуса утверждал, что атташе — это центр иностранного шпионажа.

Все это создает большие трудности для исследователей вопроса, т. к. для заключений приходится использовать самый разнообразный материал — и законодательный, и отдельные журнальные заметки, и кое-что из мемуарной литературы.

Несколько слов об исторических этапах развития института военных атташе. Обычно буржуазные историки начинают историю военных атташе с древнего Рима.

Кай Лелий, по поручению Сципиона, послал посольство в Сифакский лагерь, включив в его состав несколько римских офицеров под видом слуг. Он дал им задание разведать состояние лагеря и военных сил противника. Один из переодетых офицеров был узнан и, чтобы не выдать остальных, римский посол поколотил его палкой на глазах у всего лагеря.

Известный писатель Марцеллонн, описывая посольство в Персию, говорит, что посол был отправлен с „надежным центурионом“. Наконеч, Макнавелли в своей речи о военном искусстве сообщает, что в его время „послов сопровождали искусные офицеры, переодетые лакезми“.

Кальер в 1716 г., в период феодально-абсолютнистского государства, в книге „О способах ведения переговоров с государями“ рассказывает, что в настоящее время — начало XVIII века, большинство посольств обходится без военных специалистов, о которых писал Макнавелли потому, что сами послы обычно — военные и они же хуже специалистов могут выполнять военные поручения. К этому он дает три пояснения: во-первых, „послы — военные и по наклонности и образу жизни ближе к королям и принцам“; во-вторых, военные „более способны проникать в общество дам, обычно весьма приятельных при большинстве дворов“, и в-третьих, военные „более чем кто либо в состоянии дать хороший отчет о силах той страны, в которой находятся, о качестве ее войск, об опыте генералов, о состоянии arsenалов и складов“.

Практика командирования военных атташе за границу начинает развиваться с эпохи Людовика XIII (с кардинала Ришелье). Сначала этих военных специалистов посылают к союзникам, а затем и к дружественным государствам.

Практика этих назначений получила особое развитие при Наполеоне I.

До нас дошел ряд инструкций, которые давались в это время военным атташе.

Так, в 1806 г. Наполеон назначает капитана Лазаряж вторым секретарем посольства в Вене и вменяет ему в обязанность „давать точную информацию о силе австрийских полков и о местах их размещения“, „чтобы ни один батальон не мог бы продвигаться без того, чтобы он не был об этом осведомлен“. Такие же назначения делает Наполеон в Пруссию, Саксонию, Турцию, Персию.

Другая форма атташе, которую применял Наполеон,—это обмен личными адъютантами. Например, при русском императоре Александре I был адъютант Наполеона, а при императоре Наполеоне—адъютант Александра I (Чернышев, Гагарин).

После Наполеона эта практика не только не сокращается, но получает дальнейшее развитие. Однако в этот период нет еще единой образной общепринятой номенклатуры. Военные агенты при иностранных правительствах фигурируют под самыми различными наименованиями: в Англии их называют «военный секретарь посольства», в Пруссии — «доверенный в военных делах», в России — «военный агент», сии — «доверенный в военных делах», во Франции в 1833 г. «военный, полномочный представитель» и, наконец, во Франции в 1833 г. впервые издается приказ по военному ведомству, в котором сказано: «офицеры генерального штаба могут быть предоставлены в распоряжение министра иностранных дел, чтобы быть прикреплёнными (по-французски — «атташе», отсюда самое слово атташе) к посольствам и использованными для дипломатических поручений».

Первый законодательный акт, который регулирует положение атташе,—это испанский закон 1846 г. Там сказано, что атташе назначается королем по представлению министра иностранных дел и по согласованию с военным или морским министром и пользуется всеми дипломатическими преимуществами. В 1870 г. в Италии издается декрет, который также употребляет термин «атташе». Практика послышки атташе разветвляется весьма интенсивно в период второй империи Наполеона III, где, как известно, несмотря на лозунг Наполеона: «империя—это мир», войны и военные операции шли почти непрерывно.

Одновременно, наравне с официально принятой терминологией—атташе, сохраняется и старая форма—личные адъютанты. Начиная с 1870 г. и вплоть до первой мировой империалистической войны, Россия в Германии имела постоянных генерал-адъютантов, командированных от одного императора к другому. Они играли весьма видную роль. Так, например, накануне русско-турецкой войны 1877 г. через генерал-адъютанта фон-Вердера Александр II спрашивал Вильгельма I, какую позицию он займет, если Россия начнет войну с Австрией. Как мы знаем из корреспонденции графа Пурталеса—германского посла в Петербурге накануне войны 1914 г.,—его информация не всегда совпадала с информацией германского адъютанта, прикомандированного к русскому императору.

В 1883—1885 гг. появляются первые морские атташе, сначала в Испании и во Франции.

Война 1914—1919 гг. стимулировала дальнейшее развитие института военных атташе. Надо вообще сказать, что войны всегда давали сильный толчок для развития этого института. Такая, сравнительно небольшая, война, как Испано-Американская 1898 г., привела к тому, что США имели во время войны 16 атташе, а по окончании войны оставалось только 10.

Быстрый рост числа военных атташе начался накануне мировой империалистической войны и продолжался во время войны, когда к союзникам назначали и военных уполномоченных и посылали атташе как воюющие, так и нейтральные государства.

После империалистической войны количество атташе продолжает прогрессировать. Новые государства, возникшие на перекроенной карте Европы—Чехо-Словакия, Польша и др., обозначаются своим корпусом атташе, старые страны начинают посылать атташе туда, куда раньше никогда не посылали: США—в Ирландию, Японию—в Канаду, в Индию. Тут любопытно отметить самые адреса атташе—Ирландия, Кана-

да, т. е. те объекты, которые в случае распада Британской империи представляли для ее соседей особый интерес.

Наряду с этим наблюдается, как будто бы, некоторое сокращение количества военных атташе для побежденных государств. Это обстоятельство было связано с дискуссией вокруг ст. 179 Версальского мирного договора. Эта статья гласила: «Германия обязуется не аккредитовать ни в какой чужой стране никаких военных, морских или воздухоплавательных миссий, не посылать их и не позволить им выезжать...». Такое постановление имеется в ст. 158 Сен-Жерменского договора, в ст. 142 Трианонского, в ст. 103 Нейльского, в ст. 207 Севрского.

Первоначально это понимали так, что Германии запрещается иметь военных атташе, хотя, впрочем, Германия в состав своих посольств могла назначать любого военнопослужащего. Затем вскоре победители увидели, что запрещение Германии иметь военных атташе имеет больше неудобства, так как всякий раз, как только возникал какой-нибудь вопрос, связанный с военными делами, германский посол отговаривался тем, что он ничего не может сказать, так как-де у нас нет военного атташе, а он сам в этих вопросах не сведущ. С другой стороны, победители видели, что, по существу, этот запрет легко может быть обойден. В результате последовало изменение установленного Версальским договором порядка, и побежденным странам было разрешено иметь военных атташе, причем было указано, что запрет ст. 179 имеет в виду только посылку миссий для военного инструктажа, а на атташе не распространяется. Первая, на Лозаннской конференции в 1923 г., получила право иметь военного атташе Турция, затем в 1927 г. Венгрия, в 1930 г. Болгария. С 1933 г. Германия в нормальном порядке назначает своих военных атташе.

В 1920—1921 гг. появляются на свет авиационные атташе в США, Англии, Италии, Франции, а с их легкой руки—и в ряде других стран.

В настоящее время легче сказать, кто их посылает, кто не посылает военных атташе, чем перечислить, кто их посылает. До последних лет не имели военных атташе: Дания, отдельные британские доминионы, центральные американские республики (кроме Кубы), Либерия, Швейцария.

Приведу немного статистики. Во время франко-прусской войны 1870 г. общее число военных атташе (не считая технических работников военных миссий) было 30 человек, через 50 лет, к концу первой империалистической войны, их было 300 человек, накануне второй империалистической войны их было уже около 500 человек.

Во вторую империалистическую войну рост числа военных атташе продолжается. Так, США назначали своих военных атташе в Скандинавские страны, поинтерес, кроме того, полувоенные, полуконсульские атташе, например, в Лондоне атташе по вопросам экономической войны».

Теперь остановлюсь на вопросе о том, как определяются основные функции и обязанности военных атташе. Первым источником откуда можно получить ответ на этот вопрос, является национальное законодательство, законы отдельных стран. Наша задача облегчается тем, что при содействии одного из американских университетов (Гарвардского) изданы два сборника законодательных материалов, касающихся иностранных дипломатов, в том числе, поскольку военные атташе входят в состав дипломатического корпуса,—и военных атташе. Но, просматривая эти сборники, мы видим, что об атташе в их законодательных документах говорит Болгария, Мексика, Куба, Эквадор и т. д., т. е. законодательной регламентацией статуса военных атташе занимаются такие страны,

которые сами в военном отношении играют наименьшую роль. Те же государства, которые являются наиболее сильными в военном отношении, об этом молчат.

Что же говорит эти законы? Аргентинский закон говорит о том, в каком чине должен быть атташе, Бельгийский — о порядке назначения военного атташе, Норвежский и Мексиканский — о налоговых для него льготах, Колумбийский — об образовании, которое должно быть у военного атташе, законы Эквадора и Уругвая говорят о порядке подчинения военных атташе и о порядке их переписки с вышестоящими органами. Вот и все, что можно найти в законодательном материале о военных атташе.

Функции военных атташе в законодательных документах определяет только одна страна — Гватемала — в законе 1892 г., где сказано, что атташе Гватемалы будут заниматься „исключительно военными исследованиями и вопросами этикета“. Ганга, повидимому, хотелось последовать примеру Гватемалы, но она остановилась на полпути, и в ее законе о дипломатах есть ст. 4-я, которая, перечислив все виды дипломатов, кончает: „Конфиденциальными агентами“, вслед за которыми упоминаются и военные, научные, торговые и прочие атташе.

При ознакомлении с вышеуказанным законодательным материалом становится совершенно ясным, что для характеристики военных атташе большинство государств применяет фигуру умолчания, т. е. ни один буржуазный законодатель не хочет сказать членораздельно, чем занимается его военный атташе.

Обратимся теперь к ведомственному материалу (инструкции, регламенты) в опубликованной части. Но и ведомственные материалы составлены так, что не столько разъясняют вопрос, сколько окончательно запутывают читателя. Например, в 1930, 1932 и в 1935 гг. французское правительство издало несколько инструкций об авиационных атташе. Что же мы узнаем из этих инструкций? Оказывается, что главная задача французского авиационного атташе состоит в том, чтобы распространять за границей продукцию французской авиационной промышленности. Итак, оказывается, что авиационный атташе — это просто-напросто коммивояжер французских фирм, и больше ничего, никаких других функций у него, как будто, нет. Однако в инструкции 1935 г., очевидно, вследствие небрежности кодификатора, сказано, что авиационный атташе подчиняется военному или морскому атташе на правах их помощника. Не совсем, на первый взгляд, понятно, почему у военного или морского атташе оказывается такой „коммерческий“ помощник.

Обобщая материал, который имеется об атташе в национальной законодательной и ведомственной документации, доступной для обозрения, можно установить несколько общих вопросов.

Первый вопрос о квалификационных требованиях, предъявляемых к атташе. Боливия говорит так: „Атташе должен иметь призвание способности к этой работе“. Колумбия более конкретно требует от атташе высшего военного образования и знания международного права, Куба, Испания — чина не ниже капитана. Наиболее конкретна французская инструкция военного министерства от 17 ноября 1885 г., в которой сказано, что атташе проходит предварительный стаж по 2-м бюро французского генерального штаба.

Порядок назначения атташе более или менее одинаков: кандидатуры выдвигает министр военный, морской или воздухоплавательный; он сообщает их фактически министру иностранных дел, а последний спрашивает согласие иностранного государства на принятие дан-

ного атташе (агремен). Некоторые государства, как, например, Япония, пытались установить практику обходиться без агремена, чтобы, тем самым, оградить себя от отвода предлагаемого другому государству военного атташе. Приказ о назначении атташе исходит либо от главы государства (Англия, Франция, Бельгия), либо от министра иностранных дел (США, Италия).

Срок прохождения службы военных атташе обычно не лимитирован, но в Болгарии был установлен в 8 лет, в Италии и Испании — в 4 года.

Содержание военный атташе получает по кредитам военного или морского министерства. В вопросе о ранге его и посольстве имеется большое разнообразие и большая литература — выше кого и ниже кого стоит атташе в составе посольства. Одни страны, например Франция, считают, что атташе в чине генерала выше секретаря посольства. В США, если атташе — в чине ниже полковника, то он считается ниже первого секретаря посольства. Но все это представляет особый интерес, пожалуй, не столько для военного атташе, сколько для членов его семьи. В Германии на этой почве был курьезный инцидент. На одном приеме жена французского советника и жена военного атташе не хотели уступить друг другу дорогу, так как каждая считала, что ее муж выше рангом. Наконец, жена атташе уступила дорогу жене советника, сказав, что отдает преимущество ее возрасту.

Ряд государств умалчивает в своих законах о том, кому атташе подчинен, кому он должен посылать свои донесения. Но на практике, во Франции атташе сносится со 2-м бюро Генерального штаба, в Англии — с Интелиженс-сервис. Во Франции личные дела атташе ведет сам начальник генерального штаба.

Атташе состоят, как показывает само их название, при посольстве. Отсюда возникает вопрос, в каких служебных отношениях находится атташе и посол. В этом смысле мы имеем несколько систем. Во Франции, Англии и Италии атташе формально подчинен послу, он переписывается с военным начальством через посла, а если и непосредственно, то с его визой. В Финляндии и Греции атташе не подчинен послу. Сказано только, что посол и атташе должны взаимно оказывать друг другу помощь и консультацию. В США в принципе атташе считается подчиненным послу, но в законодательстве за атташе признается право на невыполнение распоряжений посла. Американский закон 1927 г. говорит, что если атташе констатирует, что распоряжение посла явно противоречит приказам или инструкциям, данным военным министром, то он, докладывая послу об обстоятельствах, препятствующих исполнению его приказаний, немедленно информирует об этом свое военное командование. Наконец, по законам Уругвая атташе подчиняются министерству иностранных дел во всех вопросах, не относящихся к специальным поручениям военного или морского департаментов. Эта оговорка показывает, что установка и здесь такая же, но внешние формы несколько различаются.

Два слова о сношениях атташе с местными властями, т. е. с властями той страны, где он находится. Только одна страна затруднила себя изданием специальной на этот счет инструкции, а именно Чили. Обычно глава посольства представляет атташе военному министру, министру иностранных дел, а также и главе государства, причем последнему, по выражению регламента Гватемалы, — „при первом удобном случае“.

В дальнейшем атташе сносится с местными властями совершенно самостоятельно, не прибегая к услугам посла, но в большинстве государств имеются специальные органы под различными названиями (отдел внешних сношений военного ведомства и т. п.), через которые ведутся эти сношения.

При посещении атташе военных учреждений, воинских частей или представителей военного ведомства он сносится с соответствующим командованием либо через отдел внешних сношений, либо через выделенное по согласованию с тем же отделом специальное лицо.

В том случае, когда атташе выступают не индивидуально, а коллективно, то по аналогии с дипломатическим корпусом у них имеется свой старшина, а так же как у дипломатов — это первый по чину, а среди равных по чину — первый по времени назначения в данную страну. Но в отличие от старейшины дипломатического корпуса, старейшина корпуса атташе — чисто представительная фигура, т. е. он передает поздравления и соболезнования. Ничего другого он не делает. О всех вопросах правового характера атташе разговаривают через своего посла.

Атташе может иметь, и в громадном большинстве стран имеет, свой вспомогательный аппарат — помощника или заместителя, который обычно пользуется правами военного атташе, начиная с агемана и вплоть до дипломатического иммунитета, поскольку считается, что в любой момент он может быть призван к замене атташе. Затем у атташе есть технические сотрудники, военные и штатные. Номенклатура их весьма разнообразна. Иногда она идет по родам оружия, например, специалист по авиации, по артиллерии и т. д., иногда применяются канцелярская терминология — секретарь, стенограф, чертежник. Все эти сотрудники, как правило, находятся в таком же положении, как и технический персонал посольства. Кроме того, считается, что все офицеры той страны, которую представляет атташе, находясь в командировке в данном государстве, должны быть связаны с атташе и должны соотносываться с теми указаниями, которые он им дает.

Наконец, ряд государств разрешает своим атташе, кроме сношений с послом, сноситься непосредственно и с консулами той страны, от имени которой действует атташе.

Таковы организационные моменты в деятельности военного атташе.

Перейду к вопросу о том, что можно назвать обязанностями и функциями военного атташе. Поскольку официальные издания, кроме Гватемалы, не дают ответа на вопрос о том, чем должен заниматься военный атташе, приходится обратиться, прежде всего, к литературе. К сожалению, литература отвечает на этот вопрос весьма разнообразно. Приведу только три ответа достаточно компетентных людей. Дельбек, французский международник, говорит так: «Атташе — женой отблеск славы и военной мощи своей страны».

Ферронеи — депутат французского парламента и специалист по международной политике — говорит: «Первая обязанность атташе — внушать офицерам всех стран, с которыми он приходит в соприкосновение, представление о чести, достоинстве и, если возможно, о познаниях и военных качествах своей армии».

И, наконец, самый конкретный ответ генерал-лейтенанта английской службы Джонс Гамальтона: «Занимается ли атташе любовью к войне, отдыхом или работой, он должен всегда стремиться не упустить ни одного случая поучиться и осведомиться».

Читая мемуары другого английского генерала — Актона, мы узнаем, как один английский атташе, который слишком рьяно последовал этому совету, нарвался на неприятность. Однажды на маневрах, когда испытывался новый вид снаряда, он решил настоящим близко осведомиться о нем, что положила осколок снаряда себе в брюки в то время, когда этот осколок продолжал еще дымиться. Брюки загорелись, и атташе долго мучился не вынимая, чтобы не выдать себя, осколка из кармана, но потом все-таки должен был его вынуть.

Если бы мы все же захотели ознакомиться несколько ближе с реальными функциями атташе, то я думаю, что самый простой путь — пойти по следам той монографии, которую я уже упоминал, единственного новейшего исследования в этой области, монография французского капитана Бовэ с предисловием генерал-инспектора французских инженерно-технических войск. Эта книга может считаться если не официальным, то официальным изданием.

Бовэ указывает, что атташе имеет три основных функции. Первая функция атташе — адъютант посла, его военный эксперт, т. е. во всех случаях военных переговоров он дает послу свою консультацию, оказывает ему необходимую помощь, так как посол не является специалистом в военных делах. Правда, атташе часто не ведет наиболее важных военных переговоров, потому что в этих случаях приезжают специально уполномоченные военные представители стран, но, иногда, как, например, на Гаагской (1899, 1907 гг.) или Лондонской (1909 г.) конференция атташе выполняли функции военных экспертов.

Вторая функция атташе — быть представителем своей армии и командования в иностранном государстве. Бовэ указывает, что это значит присутствовать на военных парадах, маневрах, выражать соболезнования в соответствующих случаях, от имени командования обращаться с просьбами в военные инстанции по делам своих военнослужащих, а иногда и участвовать в переговорах военного порядка (например, протоколы совещаний генеральных штабов часто ведут атташе). Но в отличие от дипломата, атташе не обязывает своими выступлениями своего правительства, если на это у него нет специального полномочия.

Надо сказать, что в этом качестве атташе играли очень большую роль в государствах военно-феодалного типа, например атташе в Японии или атташе в царской России. Когда началась мировая война, французский штаб требовал, чтобы Россия сосредоточила свои главные силы на германском фронте за счет ослабления австрийского. По этому поводу французское правительство обращается к Извольскому — послу России в Париже, а к Игнатьеву — военному атташе и через него передает эту директиву русскому командованию.

Наконец, третья функция атташе, — это то, что Бовэ называет военной информацией. Спрашивается, о каких вопросах должен атташе информировать свое правительство? В работе Бовэ есть очень любопытный каталог тех вопросов, которыми интересуются французские (и не только французские) военные атташе, а именно: «Вопросы организации местной армии и ее командования отдельных родов оружия, перемещение войск, система воинского набора, воинской подготовки и военного образования, средства обучения (лагери, полигоны), боевые средства (вооружение, его усовершенствование, военная промышленность); условия размещения снабжения, питания, обмундирования войск; военная администрация, военные кредиты; моральное

Второй аргумент, который приводится для назидания атташе, сводится к тому, что переход за грани легальности чрезвычайно затрудняет работу его преемника. После того, как были раскрыты проделки трех русских военных атташе в Австрии, новый русский военный атташе только жаловался, что никто с ним не желает разговаривать. Когда же русское правительство запросило австрийское, в чем дело, ему ответили, что атташе только пожинает плоды, посеянные его предшественниками.

Несколько слов о функциях военных атташе в условиях военного времени. То, что мы говорили до сих пор, касается работы военных атташе в мирной обстановке. В военных условиях могут быть различные варианты: атташе воюющих государств, атташе нейтральных государств, атташе в союзном государстве.

Начнем с последнего. В прошлую империалистическую войну французское командование было связано с бельгийским через своего военного атташе; через него же делала всякого рода закупки и передавали другие поручения в союзную страну.

Военные атташе воюющего государства, находясь в нейтральной стране, следят за соблюдением ею обязательств нейтралитета и, кроме того, главная их задача — военная информация о действиях противника и борьба с его разведкой. Во время первой мировой империалистической войны германскому атташе в Берне удалось вступить в дружеские отношения с швейцарским полковником Этли и получить сведения, которые швейцарские офицеры, как офицеры нейтрального государства, собрали об итальянской армии, посетив по приглашению итальянского командования фронт на Изонцо.

Что касается атташе нейтрального государства на территории воюющего, то ни одно воюющее государство не обязано пускать на фронт атташе нейтральных стран, но если находит нужным, может это сделать. В итапо-абиссинскую кампанию итальянцы не пускали на фронт военных атташе тех стран, которые применяли санкции к Италии. Во время русско-японской войны японцы, допуская атташе на фронт, ставили им очень жесткие условия, допуская, например, прием посетителей только в общей комнате.

Печальный случай произошел в 1939 г. с английским военным атташе в Китае. Япония предостерегала его от поездки в район военных действий, но он, несмотря на это предостережение, поехал; был там арестован японскими властями и выпущен только через несколько месяцев, после протестов Англии.

Были случаи и более деликатного обращения с атташе. Так, например, во время последних испанских событий, когда атташе при правительстве Франко и при мадридском правительстве с переходом районов из рук в руки попадали к враждебному правительству, то каждый раз эти атташе отпускаясь, ехали по Францию, а затем возвращались к прежнему месту службы. Но такое деликатное обращение — случай довольно редкий.

По вопросу о правах атташе можно сказать просто, что атташе пользуются всеми правами дипломатического агента, т. е. дипломатическим иммунитетом или экстерриториальностью. Правда, Куба пыталась утвердить распространение этих преимуществ только на атташе в чине капитана и выше, но фактически такое ограничение нигде не проводится. Как известно, дипломатический иммунитет означает абсолютную неприкосновенность личности, причем не только свободу от ареста, но и усиленную охрану от всяких насильственных оскорблений.

Во время русско-турецкой войны английский атташе в России написал донесение, которое не понравилось русскому правительству. Русское правительство узнало об этом и русский главнокомандующий публично наругал этого атташе. В ответ на это атташе выехала из России. Затем русское правительство признало свою неправоту, и в письме по этому поводу было сказано, что благодаря корректности атташе инцидент между двумя державами не имел дальнейших последствий. В Германии французский атташе, покупая лошадь, заехал с лошадиным, и тот ударил атташе. Атташе обратился в суд, и лошадиник получил полтора месяца тюрьмы. В петербургской газете „Новое время“ появилась статья, в которой германский атташе обвинялся в шпионаже. Германский атташе обратился к своему правительству с просьбой разрешить ему привлечь к ответственности газету „Новое время“, такое разрешение получил, но процесса так и не начал. В 1915 г. греческого атташе в Турции ударила турецкая полицаешка. Греция обратилась с протестом, угрожая разрывом сношений. Турция принесла извинения и наказала виновного.

Неприкосновенность жилища и переписки также является одним из элементов дипломатического иммунитета. Самый яркий случай нарушения дипломатического иммунитета имел место в 1916 г., когда правительство США захватило корреспонденцию и арестовало германского морского атташе фон-Игеля. В этом случае правительство США было вдвойне неправо: во-первых, оно арестовало атташе, который пользуется неприкосновенностью, и, во-вторых, арестовало его за его прошлую деятельность. Но это произошло накануне войны между Америкой и Германией, когда американское правительство не считало нужным соотносываться с обычными дипломатическими правилами. В 1927 г. в Пекине был совершен налет китайской полиции на квартиру советского военного атташе. Когда правительство СССР заявило протест против этого налета, ему ответили, что этот налет был сделан с разрешения голландского посланника, как старейшим дипломатического корпуса. Это единственный в истории случай, когда старейшина дипломатического корпуса нарушил общепринятые дипломатические правила, очевидно, с целью ущемить интересы Советского Союза.

Атташе пользуются правами судебного иммунитета, т. е. он не может быть привлечен ни по гражданской, ни по уголовной подсудности. В 1919 г. американский атташе в Швейцарии задавил автомобилем женщину и ребенка. Швейцарское правительство не организовало судебного процесса, но американское само начало процесс по обвинению своего атташе, в результате которого он был оправдан, т. е. было установлено, что здесь имело место несчастное стечение обстоятельств. Атташе, разумеется, не отвечает и за полицейские нарушения, например, за нарушение правил уличного движения.

По поводу иммунитета в гражданских спорах известны три крупных инцидента.

В 80-х годах прошлого века в Париже атташе республики Перу обмобилировал квартиру и не расплатился с подрядчиком. Последний обратился в суд, но суд отказался рассматривать его иск. В Бельгии в 1897 г. кассационный суд отменил решение суда первой инстанции, который постановил взыскать с турецкого атташе гонорар в пользу ветеринара за лечение его собаки. В 1925 г. в Польше итальянский атташе снял дачу и заключил договор с владельцем, где было сказано, что если дело дойдет до спора, то атташе не будет считаться на свое привилегированное положение. Тем не менее верховный суд

каспировал решение суда первой инстанции, указав, что атташе без разрешения своего правительства не может ограничивать своих прав.

Как и дипломаты, атташе освобождаются от дачи свидетельских показаний, от вызова в суд и пр.

Кроме того, атташе пользуется так называемыми льготами „вежливости“, т. е. такими льготами, которые вообще не обязательны с точки зрения международного права, но которые обычно признаются за дипломатами, а по аналогии — и за атташе: таможенные, налоговые и т. п. Некоторые страны (Германия, Италия) предоставляют эти льготы на началах взаимности, другие — без всякой взаимности. Как курьез, приведу практику двух государств — Ирана и Перу.

В Иране установлено количество налога. Такой нормой для атташе может выкурить в год, не платя налога, в то время как послу предоставляется выкуривать бесшашанно 20.000 папирос и 1.000 сигар.

Перу, которая также дает таможенные льготы атташе, делает при этом любезную оговорку, по которой в государственный бюджет внесена графа, где за каждого посла казна доплачивает ежегодно 1.000, а за атташе — 300 ф., с дальнейшим ежегодным снижением этой суммы на одну четверть.

На сотрудников военного атташе дипломатическим иммунитетом пользуется только его заместитель, называемый в одних странах, например, в Германии, вторым атташе, в других, например, во Франции — дополнительным атташе. Все же остальные технические сотрудники военного атташе, кроме редких случаев, когда они внесены в дипломатический список, не пользуются льготами и дипломатическим иммунитетом. Но, конечно, пока сотрудник находится в помещении атташе, экстерриториальность последнего распространяется и на него, стоит же ему выйти из этого помещения, и он подлежит действию всех законов той страны, в которой находитесь, вплоть до подсудности местным органам.

Наконец, нужно остановиться на вопросе борьбы со злоупотреблениями, имевшими место в деятельности атташе. Нельзя думать, что все злоупотребления со стороны атташе бывали только в одном направлении — переход грани легальной информации.

В 1923 г. итальянский атташе в Афинах сидел в ресторане. Рядом с ним сидел грек. Грек сказал: „Когда же, наконец, появятся эти проклятые макароны“. Итальянский атташе понял это в том смысле, что под макаронами грек подразумевал итальянца, и раздробил ему голову. Как видите, здесь часто уголовное деяние — телесное повреждение; которое никакого отношения к служебной деятельности атташе не имеет. Однако значительное большинство конфликтов, которые возникали в работе атташе, были связаны не с такого рода зубодробительными операциями.

Как реагирует правительство на нарушение со стороны атташе своих обязанностей? Нормальная реакция — требование об отозвании, ибо, как и всякое дипломатическое лицо, атташе не может быть объектом другого воздействия. Но иногда, когда поведение атташе было особенно нетерпимо для местного правительства, вместо просьбы об отозвании атташе назначали срок для выезда из страны (например волковнику Зубовичу из Австрии).

В той небольшой иностранной литературе, которая имеется по вопросам об атташе, мы часто встречаем утверждение, что развитие международных связей приводит к тому, что военные атташе чем дальше, тем больше, становятся не только государственными, но и

международными органами. В подтверждение приводится пример из времени русско-турецкой войны, где их присутствие „сдерживало варварство и жестокости войны“.

Во время Женевской конференции 1925 г., на конференции по разоружению 1932 г. и в ряде других случаев выносились пожелания об атташе, как контролерах соблюдения международных норм, оставшихся однако платоническими. Поэтому можно сказать, что международные функции атташе не получили своего развития. Последняя попытка в этом направлении — события 1937 г., когда Чехо-Словакия в споре с Германией предлагала, чтобы военные атташе Германии и Англии осматривали ее аэродромы.

Перехожу к общим выводам. Я думаю, что приведенные мною материалы, касающиеся и подбора кадров, порядка руководства деятельностью атташе и выполнении ими своих обязанностей и соответствующие исторические прецеденты достаточно ясно определяют характер деятельности и правовые положения атташе.

Период войны всегда особенно активизирует этот процесс. Весьма многообразна деятельность атташе, но в этом многообразии есть своя закономерность, так как в период войн из всех функций, выполняемых атташе, на первый план выдвигаются одни функции и закладываются другие его обязанности.

Однако было бы неверно сделать вывод, который сделал в свое время Самба, утверждая, что иностранные атташе являются центром иностранной разведки. В силу ряда причин, о которых я говорил, атташе никогда не были центральной фигурой разведки. Нельзя вместе с тем не признать, что добывание „информации“, представляющее такое значение в работе атташе, неоднократно приводило к тому, что при собирании этой информации они могли довольно легко перейти грань, отделяющую законную деятельность иностранного представителя от незаконной.

В свете приведенных мною исторических фактов, какие выводы мы можем сделать для себя?

Здесь вывод один, и он сделан товарищем Сталиным на мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г.

„Спрашивается, — говорил товарищ Сталин, — почему буржуазные государства должны относиться к советскому социалистическому государству более мягко и более добрососедски, чем к одиозным буржуазным государствам?.. Не верно ли будет, с точки зрения марксизма, предположить, что в тылу Советского Союза буржуазные государства должны ассимилировать вдвое и втрое больше предателей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылу любого буржуазного государства?..“

Не верно ли, что пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас предатели, шпионы, диверсанты и убийцы, ассимилируемые в наши тылы агентами иностранных государств?..“

Из этих исторических указаний товарища Сталина соответствующие выводы должны быть сделаны каждым честным советским гражданином. И особенно важные выводы следуют отсюда для работников таких военных органов пролетарской диктатуры, как органы военной юстиции.

ИЗ ПРЕНИЙ ПО ДОКЛАДУ ПРОФ. КОРОВИНА

Тов. Крылов. Докладчик совершенно правильно подчеркнул чрезвычайную неразработанность данной темы: за много лет изучения международного права я не встречался с разработкой такого вопроса.

Если взять учебник парижского профессора Лефюра, вышедший в 1937 г., там о военном атташе буквально сказано три-четыре строки. Он говорит, что военный атташе „должен все видеть“. Здесь как раз идет речь о той „доблывности“ атташе, о которой говорил докладчик.

Я считаю, что больше внимания следует уделить делу Дрейфуса. Это дело очень важное. Оно вызвало определенное отношение широких общественных кругов.

Точно также я считал бы, что в докладе следовало несколько больше объяснить, почему именно Чаля, Гаити больше других государств говорят о положении военного атташе и о ряде других вопросов международного права. Я должен сказать, что не все признают то значение, которое имеет испанская школа международного права. Как раз буржуазная испанская литература по вопросам международного права чрезвычайно велика и это очень легко объяснить. Дело в том, что на испанском языке говорят, приблизительно, 20 государств, в том числе все государства Южной Америки, кроме Бразилии, и Центральной Америки. Международные отношения интересуют целый ряд ученых, пишущих на испанском языке. В частности, очень крупными буржуазными учеными являются чилийский профессор Альбарес и кубинский профессор Бустаманте. И внимание испанских международных юристов к вопросам международного права не случайно.

Докладчик дал большой фактический материал, но кое-какие дополнения мне хочется сделать.

Например, в книге, которая появилась у нас на русском языке, о деятельности английской контрразведки во время первой империалистической войны, говорится о том, как английский офицер, фотографура Дарданеллы, также попал в довольно тяжелое положение, и один из офицеров, игравший роль военного атташе, поправил дело, разбавив фотографические пластинки, чем спас положение несколько увлекшегося информатией военного.

Анализируя швейцарское законодательство, надлежало указать на то, что Швейцария является сейчас единственным в мире так называемым постоянно нейтральным государством, которое сейчас мобилизовало всю армию потому, что этот постоянный нейтралитет, гарантированный всеми государствами, сейчас висит на волоске. Отсюда — своеобразие швейцарского права в вопросе о военном атташе.

Тов. Драгун. Мне хотелось бы особо подчеркнуть роль военного атташе в условиях современной действительности и его работу, как военного информатора.

Поскольку военный атташе является лицом дипломатическим, то естественно, что ему предоставляется дипломатическая неприкосновенность и возможность официально путем наблюдения и изучения как страну своего пребывания, так и ее вооруженные силы, используя для этого все имеющиеся у него возможности.

Наша страна состоит в дипломатических отношениях с рядом капиталистических государств, которые имеют своих военных атташе, аккредитованных в Москве. Естественно, что они, являясь военными информаторами, всеми доступными им средствами приобретают данные о нашей армии и информируют свои правительства. Мы имеем также своих военных атташе в иностранных государствах.

Разработка вопроса о правовом положении военных атташе в целях ознакомления советских военных и военно-судебных работников является актуальной потребностью. Кроме того, это даст воз-

можность и нашим военным атташе и другим командирам, готовящимся к занятию этой должности, знать свое место и те права, которые им предоставляются как официальным представителям Советского Союза в иностранных государствах.

***

Тов. Ромазан. На повестке конференции стоял мой доклад о военно-правовом образовании. Обсудив вопрос о целесообразности постановления этого доклада, мы пришли к заключению, что он требует несколько иной аудитории. Вопрос этот упирается не только в военно-правовое образование и его постановку, но и в постановку правового образования в СССР вообще. Поэтому Военно-юридическая академия берет на себя почти в самом недалеком будущем спонсировать конференцию специально по вопросу постановки военно-правового образования и, в частности, общеправового образования, в которой примут участие лица, занимающиеся специально этими вопросами, т. е. директора институтов, их заместители по научной части, методисты, люди, сведущие в учебно-методических вопросах. Мы признали, что постановка его в такой аудитории, при том условии, что предварительно будут разосланы проспекты, намечая возможного учебного плана, сведения об учебных планах зарубежных юридических учебных заведений, сделает работу конференции более полезной.

Наша конференция является первым опытом, и мы должны признать определенный ее успех; те дебаты, которые имели место на конференции, подтверждают, что имеется большое количество чрезвычайно актуальных вопросов, требующих серьезной, усиленной разработки.

Нужно приветствовать постановку вопросов гг. Чапквадзе и Голунским — с их стороны сделан довольно смелый и решительный шаг. Мы надеемся, что путем привлечения видных ученых-юристов нашей страны мы сможем заполнить тот пробел, который имеется в разработке военно-правовых проблем. Мы надеемся, что профессора и юристы-практики охотно откликнутся на наш призыв — помочь в этой работе.